

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
АЛТАЙСКИЙ ФИЛИАЛ

А.В. Пыриков

СКРЫТЫЕ ВАЛЕНТНОСТНЫЕ ПОТЕНЦИИ НЕМЕЦКИХ
ГЛАГОЛОВ И ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Монография

Барнаул 2019

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент О.В. Воронушкина
кандидат филологических наук В.П. Барбашов

Пыриков А.В.

Скрытые валентностные потенции немецких глаголов и имен существительных: монография / А.В. Пыриков. – Барнаул 2019. – 59с.

Настоящая монография представляет собой попытку описания скрытых валентностных потенций глагола и имени существительного с точки зрения облигаторности их актантов на различных уровнях валентности. В работе анализируются валентностные свойства основных морфологических классов слов, проводится систематизация их актантного состава, облигаторность которых реализуется в контекстуальных и коммуникативных условиях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ВАЛЕНТНОСТНЫЕ ПОТЕНЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО КЛАССА ГЛАГОЛОВ.....	5
1.1. Синтаксическая облигаторность актантов глагола.....	9
1.2. Семантическая облигаторность актантов глагола.....	14
1.3. Коммуникативная облигаторность актантов глагола.....	18
ГЛАВА II. ВАЛЕНТНОСТНЫЕ ПОТЕНЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО КЛАССА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.....	28
2.1. Синтаксическая облигаторность актантов имени существительного.....	30
2.2. Семантическая облигаторность актантов имени существительного.....	38
2.3. Коммуникативная облигаторность актантов имени существительного.....	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	55
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	58

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время основные закономерности комбинирования одной единицы языка с другой объединяются понятием валентности в самом общем смысле. Таким образом, на долю валентности выпадает решающая роль при рассмотрении синтагматических аспектов частей речи. Тем самым валентность в самом общем смысле предусматривает необходимое или возможное контекстуальное окружение слова, контекстуальные связи слова, контекстуальные отношения между различными частями речи в предложении на семантическом и синтаксическом уровнях, контекстуальную сочетаемость слов как семантических или синтаксических партнёров в предложении.

Однако одним из наиболее дискуссионных вопросов теории валентности была и на сегодняшний день остаётся проблема соотношения валентности и процесса коммуникации. Очень часто исследователей, занимавшихся разработкой теории валентности, упрекали в том, что она как бы изолирует язык как систему от процесса коммуникации, в то время как язык может существовать только в речи. В этой связи актуальными становятся вопросы отношения между словом и контекстом, словом и текстом, а значит и между валентностью и текстом, так как валентность - это качество слов, которые благодаря определённым правилам объединяются в словосочетания, предложения и тексты. Описание валентности как структурно-семантического явления ведёт к сужению понятия валентности.

Теория валентности в ее традиционном рассмотрении обладает достаточным фактическим материалом, который в настоящий момент не подвергается никакому сомнению. Однако практически весь этот материал описывает корреляцию, отношения, структурную организацию языковых единиц в системе языка, но не речи. С тех пор как многие ученые стали задавать вопросом о том, как все-таки происходит процесс взаимодействия единиц языка в речи, и насколько применимыми в таком случае становятся положения общей теории валентности, стали выявляться некоторые спорные моменты в её традиционной трактовке. В частности глагол, рассматриваемый традиционно как базовый носитель валентности, будучи помещенным в определенный контекст, начинает проявлять специфические валентностные свойства, скрытый потенциал которых раскрывается в речевом пространстве.

ГЛАВА I. ВАЛЕНТНОСТНЫЕ ПОТЕНЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО КЛАССА ГЛАГОЛОВ

Рассмотрение валентностных особенностей морфологических классов слов целесообразно начать с глагола, который, в соответствии с общей теорией валентности, является главным носителем валентности в предложении. Валентность понимается Л. Теньером, прежде всего как способность именно глагола сочетаться с определенным числом актантов – действующих членов – и сирконстантов – обстоятельственных членов предложения – при построении высказывания и сравнивается им с валентными свойствами атома в химии. Глагольное сказуемое как структурный центр предложения определяет число необходимых актантов, к которым Л. Теньер относит подлежащее и различные типы дополнений, обстоятельства и именную часть сказуемого. Различные авалентные, моновалентные, дивалентные и тривалентные глаголы характеризуются ученым только в отношении числа присоединяющихся к глаголу актантов, т.е. учитывается лишь количественный аспект валентности. Качественная же сторона валентности, детерминируемая характером семантических взаимоотношений между сочетающимися лексическими единицами при таком подходе не раскрывается и вызывает вполне объяснимые возражения лингвистов.

Понятие валентности в понимании Л. Теньера взяли на вооружение и развивали многие немецкие лингвисты. К ним относятся, прежде всего, Х. Бринкман и Й. Эрбен. Х. Бринкман, вслед за Л. Теньером, также рассматривает глаголы в первую очередь по количеству «соучастников», а в отличие от Л. Теньера ещё и по наличию обязательной «открытой позиции», по падежу существительного и другим принципам. На этой основе он развивает теорию глагольной валентности и различает 8 групп глаголов:

1. Глаголы с нулевой валентностью.
2. Ограниченно моновалентные глаголы.
3. Неограниченно моновалентные глаголы.
4. Моновалентные глаголы с актантом в дательном падеже.
5. Моновалентные глаголы с актантом в родительном падеже.
6. Глаголы с двумя обязательными актантами.
7. Двухвалентные глаголы с актантом в родительном падеже.

8. Трёхвалентные глаголы.

Й. Эрбен, в свою очередь, разграничивает на основе принципа смысловой обязательности зависящих от глагола членов предложения одно-, двух-, трёх- и четырёхвалентные глаголы.

В. Юнг делит глаголы на семантически насыщенные (абсолютные, выступающие без объекта и обстоятельства) и относительные, требующие смыслового дополнения (объектно-связанные, обстоятельственно-связанные и копулативные, с предикативным дополнением).

В своей классификации глаголов Г. Хельбиг различает облигаторные и факультативные актанты, а также свободные распространители (*freie Angaben*). Последние, отмечает автор, не детерминированы глагольной валентностью и синтаксически незначимы, так что могут свободно добавляться и опускаться. Таким образом, в основу классификации Г. Хельбиг кладёт только облигаторные и факультативные актанты и различает следующие классы глаголов:

1. Глаголы без актантов (например, безличные)
- Es blitzt.
2. Глаголы с одним факультативным актантом.
- Es regnet (Blüten).
3. Глаголы с одним облигаторным актантом.
- Die Pflanze geht ein.
4. Глаголы с одним облигаторным и одним факультативным актантом.
- Die Mutter kauft (Milch) ein.
5. Глаголы с одним облигаторным и двумя факультативными актантами.
- Der Lehrer dankt (dem Schüler) (für die Hilfe).
6. Глаголы с одним облигаторным и тремя факультативными актантами.
- Der Schriftsteller übersetzt (das Buch) (aus dem Russischen) (ins Deutsche).
7. Глаголы с двумя облигаторными актантами.
- Der Direktor erwartet seine Gäste.
8. Глаголы с двумя облигаторными и одним факультативным актантами.
- Der Schüler beantwortet (dem Lehrer) die Frage.

9. Глаголы с двумя облигаторными и двумя факультативными актантами.

- Der Schüler entgegnete (dem Lehrer) (auf dessen Frage), dass er aufgepasst habe.

10. Глаголы с тремя облигаторными актантами.

- Der Meister nannte die Frau eine gute Arbeiterin [цит. по Степанова, Хельбиг, 1978: 194].

Однако, до сих пор, остаётся открытым вопрос о том, как классифицировать глаголы, актанты которых становятся облигаторными только в конкретной коммуникативной ситуации. В связи с этим, актуальными становятся работы лингвистов, направленные на рассмотрение глагола с учётом его возможных контекстуальных связей.

С.М. Кибардина различает три типа классификаций глаголов, учитывающих различные компоненты глагольной семантики: классификации, в основе которых лежат субкатегориальные признаки («действие», «состояние», «движение», «процесс» и т.п.), лексико-семантические классификации и классификации, базирующиеся на синтагматических свойствах глагола, в том числе валентных. Она разграничивает три субкатегориальных класса: глаголы действия (в том числе произвольного и непроизвольного), глаголы состояния и глаголы свойства. При этом значение свойства может возникнуть на базе основных классов действия и состояния. С.М. Кибардина считает, что в основу валентностной классификации не могут быть положены ни субкатегориальные классы, ни лексико-семантические группы, выделяемые по вещественным признакам семантики глаголов, поскольку ни те, ни другие не учитывают последовательно валентных свойств глаголов. Малоинформативны, по ее мнению, и валентностные классификации, учитывающие только количество актантов.

В качестве валентных признаков глагола С.М. Кибардина рассматривает субъект и объект, выделяя по содержательным признакам классы (типы) субъектных и объектных глаголов. Субъект и объект как основные актанты глагола (именно так понимаются они в исследовании С.М. Кибардиной) не совпадают с их пониманием как функционально-семантических категорий, а также с понятием субъекта и объекта ситуации [Кибардина, 1988: 15-16]. С учетом иерархии участников ситуации в реальной действительности С.М.

Кибардина предлагает определять как субъект ситуации наиболее независимый из них.

Исходя из валентностного потенциала глагола (совокупности его валентностных вариантов), С.М. Кибардина указывает на ряд закономерностей, связанных с реализацией актантов:

а) реализация актанта определяется, прежде всего, его содержательной обязательностью или факультативностью;

б) содержательно обязательные актанты необходимо реализуются в речи, но не обязательно в данном предложении (в случае их нереализации может возникать окказиональный одновалентный /субъектный – у объектных глаголов/ вариант);

в) существует зависимость между общим количеством актантов глагола и количеством реализованных актантов: у большинства многовалентных глаголов проявляется тенденция к нереализации в одном предложении всех содержательно обязательных актантов;

г) в валентностном потенциале глагола заложена предрасположенность к сочетанию с теми или иными распространителями – компонентами предложений.

Разделяя глаголы на субъектные, объектные, соотносимые с субъектными и объектными, а также на глаголы со «сдвинутой» семантикой актантов, автор далее описывает содержательные структуры (иными словами – семантику глаголов) каждого валентностного типа глаголов и определяет зависимость валентности от семантики глагола [Кибардина, 1988: 25-26].

Подробное описание содержательных структур позволяет с одной стороны – выделить каждый валентностный вариант глагола, с другой – получить достаточно полную и достоверную картину валентности глаголов семантических групп, актанты которых находят свою актуализацию в речевом пространстве, в чем и заключается главное достоинство исследования С.М. Кибардиной.

Иллюстративный материал зачастую демонстрирует наличие в предложении не только структурно, семантически-облигаторных, но и коммуникативно- или ситуативно-необходимых (облигаторных) элементов.

В соответствии со всем вышесказанным представляется возможным выделить три больших класса, в которых все актанты глагола, при помощи теста на элиминирование, можно разделить не просто на облигаторные, а на:

- а) синтаксически-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения его грамматичности/аграмматичности;
- б) семантически-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения сочетаемости семантических признаков контекстных партнеров и сохранения, таким образом, смысловой компоненты предложения;
- в) коммуникативно- или ситуативно-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения реализованного/нереализованного коммуникативного намерения говорящего.

1.1. Синтаксическая облигаторность актантов глагола

Данный раздел посвящен рассмотрению валентностных потенций глагола. Исследовательский интерес к этому морфологическому классу не угасал с момента разработки основных положений теории валентности Л. Теньером в труде «Основы структурного синтаксиса». Вся его теория, дальнейшая разработка которой определила направление работы многих лингвистов, строилась на вербоцентрическом принципе. Отсюда последовало дальнейшее рассмотрение различных языковых явлений с точки зрения теории валентности. Не представляет никакого сомнения, что глагол является структурообразующим элементом. При помощи закрепленных за ним валентностных свойств, осуществляется построение предложения. Требуя тех или иных актантов, глагол как бы регулирует структуру и семантику предложения, регламентирует его количественный и качественный состав. Принимая во внимание накопленный опыт многих исследователей, хотелось бы обратить внимание на некоторые весьма специфические и спорные моменты глагольной валентности, которые не позволяют поставить точку в его исследовании.

Не представляет никакого сомнения, что в предложении наиболее валентно-связанными являются дополнения, которые закреплены в валентности глагола. Однако рассмотрение проблемы так называемых «свободных распространителей» позволяет по-новому взглянуть на проблему разграничения актантов на облигаторные, факультативные и свободные распространители.

Следовательно, в первую очередь, одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов при рассмотрении валентности глагола была и остается проблема разграничения членов предложения, относящихся к группе глагола и являющихся его актантами, на синтаксически облигаторные, то есть валентно-связанные.

Если классифицировать члены предложения в зависимости от их облигаторности/необлигаторности, то на основе ранее проведенных исследований можно установить следующее: субъекты и предикативы облигаторны; дополнения выступают в роли облигаторных или факультативных актантов; свободный датив является свободным распространителем; обстоятельства, примыкая к сказуемому, могут быть как обязательными, так и необязательными для законченности предложения. К.-Е. Зоммерфельд относит обстоятельства-актанты к членам предложения так называемого первого ранга наравне с субъектами, предикативами, дополнениями; обстоятельства-свободные распространители – к членам предложения второго ранга вместе со свободным дативом и определением [Sommerfeldt, 1982: 198].

Б. Латур, рассматривая синтаксическую облигаторность обстоятельств места, охарактеризовал их как ситуативно-необходимые, приписывая им однако синтаксически облигаторные свойства. Он рассматривал как облигаторные только локальные и темпоральные обстоятельства (*lokale und temporale Ergänzungen*), необходимые для сохранения грамматической корректности предложения.

По его мнению, локальные актанта встречаются гораздо чаще темпоральных в связи с тем, что облигаторные обстоятельства времени востребованы небольшим числом глаголов, таких как: *stattfinden, passieren, beginnen* [Latour, 1985: 65].

По данным проведенных ранее исследований более часто обстоятельства выступают в роли факультативных актантов, либо свободных распространителей. Как облигаторные актанта рассматривались в основном обстоятельства места (Й. Эрбен, Х. Глинц).

(1) *Ich ... wohnte bei meinen Eltern* [Frisch, 47].

(2) *Unsere Eheverköndigung stand in der Zeitung* [Frisch, 56].

(3) *Im ersten Glied stand Rose* [Apitz, 161].

(1') *Ich ... wohnte _____?*

(2') *Unsere Eheverköndigung stand _____?*

(3') _____? _____ *stand Rose.*

Однако отнюдь не исключением являются случаи, когда обстоятельство необходимо для завершения структуры предложения. Это особенно типично для обстоятельства направления.

(4) *Ich schlenderte nochmals zum Meer* [Frisch, 182].

(4') **Ich schlenderte nochmals _____? _____.*

(5) *Er setzte sich und stützte die Arme auf den Tisch* [Frisch, 120].

(5') **Er setzte sich und stützte die Arme _____? _____.*

Тест на элиминирование позволяет, таким образом, сделать вывод о синтаксической облигаторности обстоятельств направления. Семный состав глагола предопределяет наличие открытой позиции, которую они заполняют.

По мнению К.П.Акуловой, облигаторность обстоятельства зависит от особенностей значения сказуемого.

Автор отмечает, что в данном случае существует два мнения:

1) не только наличие, но и вид обстоятельства детерминируется валентностью глагола: так, например, после одних глаголов (*fahren, reisen, laufen, stellen, legen*) употребляются обстоятельства со значением направления, после других (*wohnen, sich befinden, sitzen, stehen, liegen*) – локальные обстоятельства.

(6) *Die freien Tage verbrachte er meist im Flussbad, ...* [Noll, 23],

(6') *Die freien Tage verbrachte er meist _____? _____, ...*

(7) *Und hier wohnt der Peter Wiese, gleich nebenan* [Noll, 9].

(7') *Und hier wohnt der Peter Wiese, gleich _____? _____,*

где *im Flussbad* и *hier, nebenan* являются синтаксически-облигаторными обстоятельствами места.

(8) *Schöner trug Holts Verspätung ins Klassenbuch ein* [Noll, 10].

(8') *Schöner trug Holts Verspätung _____? _____ ein.*

(9) *Alle Augen waren auf Wolzow gerichtet* [Noll, 17].

(9') *Alle Augen waren _____? _____ gerichtet,*

где *ins Klassenbuch* и *auf Wolzow* являются синтаксически-облигаторными обстоятельствами, обозначающими направление;

2) валентностью глагола определяется только наличие обстоятельства, но не его разновидность. После некоторых глаголов (*stattfinden, sich ereignen, geschehen, ausbrechen*) могут употребляться разные виды обстоятельственных определений, однако наличие одного из них обязательно, например:

(10) *Das Konzert findet heute auf dem Marktplatz statt.*

→ *Das Konzert findet heute statt.*

→ Das Konzert findet *auf dem Marktplatz* statt.

→ Das Konzert findet statt.

Члены предложения, входящие в синтаксическую группу сказуемого, характеризуются в немецком языке относительной свободой местоположения. Они могут стоять как перед, так и после личной формы глагола. Однако для различных членов предложения, входящих в синтаксическую группу сказуемого, можно выявить типичное местоположение, характерное для нейтрального в эмоциональном отношении высказывания. Обстоятельства, наиболее тесно связанные со сказуемым, имеют тенденцию к постановке после сказуемого, ближе к концу предложения. Наиболее ярко данная тенденция проявляется у обстоятельств направления.

(11) *Stattdessen verwickelte ich ihn in ein Gespräch* [Frisch, 82].

(12) «*Meinst du mich?*» *fragte Wolzow und legte den Kopf auf die Seite* ... [Noll, 10].

Таким образом, сказуемое и облигаторное обстоятельство образует своего рода рамочную конструкцию. Причем следует отметить, что рамочная конструкция предложения в немецком языке связана с общей тенденцией ставить в конце предложения те элементы сказуемого / те члены группы сказуемого, которые наиболее тесно связаны с предикатом и которые логически наиболее весомы в предложении.

Синтаксически-облигаторными могут быть также обстоятельства образа действия. Это происходит в том случае, если глагол обладает нужной семой, которая открывает соответствующую синтаксически-облигаторную открытую позицию для данного вида обстоятельств:

(13) *Er fühlte sich nicht erfrischt, sondern matt und benommen* [Noll, 5].

(14) *Aber Wolzows Besuche machten ihn froh* [Noll, 20].

(15) *Die älteren fühlten sich nicht mehr so einsam* ... [Johansen, 11].

(16) *Die Hoffnung, noch vor Einbruch der Nacht hinzukommen, machte uns nervös* ... [Frisch, 53]

(14') **Aber Wolzows Besuche machten ihn _____?*

(13') **Er fühlte sich _____, sondern _____.*

(15') *Die älteren fühlten sich _____...*

(16') *Die Hoffnung, noch vor Einbruch der Nacht hinzukommen, machte uns _____?*...

В данных предложениях не представляется возможным элиминировать обстоятельственные актанты *nicht erfrischt, matt und benommen* и *froh, nicht mehr so einsam, nervös* не нарушая грамматической корректности всего предложения. Следовательно, данный актант можно считать синтаксически облигаторным.

Кроме того, интересен тот факт, что обстоятельство может выступать в некоторых случаях неким аналогом приставки:

(17) ... *Wenn mein Lehrer ins Klassenzimmer trat, hatte ich Angst, er habe es erfahren...*

При появлении у глагола приставки «ein-» обстоятельство переходит из статуса облигаторного в факультативное, то есть на приставку переносится часть синтаксической нагрузки базового глагола (аналогично глаголам *einsteigen, aussteigen*):

(18) *Als er neben mir stoppte und aus dem Wagen stieg, erkannte ich ihn nicht.*

Свободные распространители, наоборот, имеют тенденцию к «выносу за рамки предложения»:

(19) *Einmal ist sie durch Zürich gefahren ohne unsere Tochter* [Frisch, 185].

(20) *Ein Zug kam an in der großen Stadt in Südafrika* [Böll, 21].

Однако в данных случаях может идти речь и об особом стилистическом приеме, о намерении автора подчеркнуть таким образом ту или иную информацию. Но это же доказывает наибольшую актуальность данного распространителя, который, можно сказать, вследствие своей понятийной актуальности становится фактически актантом, если и не облигаторным, то, как минимум, факультативным.

Значимая синтаксическая роль обстоятельств с одной стороны обусловлена семным составом глагола, с другой – ближайшим контекстуальным окружением.

(21) *Seine Zigaretten warf er auf den Boden, ...* [Bank, 8].

Закономерность употребления синтаксически облигаторного актанта *auf den Boden* объясняется наличием у глагола *werfen* соответствующей семы направления выполняемого действия. Актант на синтаксическом уровне получает дополнительную

структурообразующую функцию, позволяющую ему участвовать в построении предложения.

Однако актантный состав может вариироваться в зависимости от морфемного состава глагола. В случае добавления дополнительной приставки глагол изменяет количество структурно необходимых компонентов.

(22) *Sie war in den Zug gestiegen, Richtung Westen, Richtung Wien* [Bank, 8],

где *in den Zug* выступает в роли синтаксически облигаторного актанта, но в другом случае этот актант становится факультативным, так как из-за добавления дополнительных семантических признаков, глагол не нуждается в данном актанте.

(22') *Sie war (in den Zug) eingestiegen.*

Благодаря именно этим случаям употребления обстоятельств не в роли свободных распространителей, а синтаксически-облигаторных актантов можно сделать вывод об их актуальности, поскольку в структуре текста они наиболее полно помогают сохранить структуру предложения, и заполняют, открываемые глаголом синтаксические открытые позиции. Таким образом, обстоятельства недостаточно правомерно относить к классу глагола как наименее связанные с ним. Их релевантность в коммуникативной ситуации позволяет им обретать если не синтаксическую, то, как минимум семантическую значимость. Этот факт, в свою очередь, даёт право и возможность говорить об их уникальном статусе валентно-связанных членов предложения в валентностной проблематике.

1.2. Семантическая облигаторность актантов глагола

Теория валентности рассматривает проблематику облигаторности актантов с точки зрения синтаксической необходимости их наличия при построении предложения. При этом учитывается количественный фактор заполнения открытых позиций актантами и не учитывается их качественная сторона. Однако семантическая ценность некоторых компонентов в предложении позволяет сохранить смысл высказывания.

На основе анализа фактического материала предлагается рассматривать облигаторность актантов глагола с точки зрения их семантической адекватности. Используя тест на элиминирование, выявляется необходимый семантический минимум предложения. В

случае, если элиминирование актанта приводит к полному нарушению смысла всего предложения, речь идет о его абсолютной семантической облигаторности. Полное изменение семантики предложения предлагается назвать семантической трансверсией.

В настоящем исследовании предпринимается попытка описания семантической облигаторности актантов глагола на примере обстоятельств, которые очень часто не вполне справедливо относят к свободным распространителям. Их семантическая ценность как актантов позволяет вывести обстоятельства на уровень валентно-связанных частей речи не только в плане синтаксиса, но и в плане семантической значимости. Следует отметить, что отсутствие соответствующего обстоятельства зачастую может привести к асемантичности или семантической неадекватности предложения:

(23) *So genau könne man das allerdings nicht sagen, weil es (das Mädchen) merkwürdig angezogen sei* [Ende, 9].

(23') **So genau könne man das allerdings nicht sagen, weil es (das Mädchen)___? angezogen sei.*

В данном предложении актант *merkwürdig* можно рассматривать как семантически облигаторный, так как его отсутствие изменяет смысл высказывания в целом. Релевантным в данном случае оказывается сопутствующее обстоятельство, а не само действие, выражаемое глаголом. Вследствие элиминирования нарушается смысловая картина высказывания, что приводит к семантической трансверсии.

Учитывая контекстуальное окружение глагола *anziehen*, в предложении появляется открытая позиция для его конкретизации. Необходимость описательной характеристики действия диктуется часто смысловой заданностью предложения:

(24) *Ich kann nicht in den Bunker gehen* [Johansen, 14].

(24') **Ich kann nicht___?___gehen.*

В приведенном примере обстоятельство направления *in den Bunker* является семантически облигаторным, так как его отсутствие приводит к искажению понимания передаваемого смысла. Асемантизация его видится в том, что актуальным является не сам факт способности ходить, а направление движения, передаваемое глаголом *gehen*. В случае отсутствия сопутствующего обстоятельства высказывание становится некорректным, а это, в свою очередь, приводит к трансверсии передаваемого предложением смысла.

Искажение смыслового фона предложения приводит к необходимости переосмыслить валентностный статус обстоятельств. Рассматриваемые в качестве свободных распространителей, они не входят в актантный состав глагола, но утверждение о том, что они могут свободно добавляться и опускаться в предложении представляется не вполне обоснованным. При опускании того или иного компонента необходимо обращать внимание с одной стороны на ближайшее контекстуальное окружение, с другой на изменение семантики предложения.

(25) *Wir haben unseren Vater nie ohne Zigarette gesehen* [Bank, 8].

(25') **Wir haben unseren Vater nie _____? _____ gesehen.*

Сравнительный анализ семантики этих двух предложений, помогает раскрыть семантическую значимость актанта *ohne Zigarette*, который в данном случае функционирует как семантически облигаторный. После его элиминирования смысл высказывания меняется полностью, что обуславливает необходимость его присутствия для сохранения семантической корректности предложения.

Таким образом, синтаксическая модель описания валентности и дистрибуции глагола не является исчерпывающей для описания актантного состава. Помимо грамматического минимума описанию и конкретизации подлежит и семантический минимум предложения. Релевантность этого описания заключается в семантической избирательности контекстных партнеров в каждом отдельно взятом высказывании.

Следует также отметить, что отсутствие семантически облигаторного актанта может привести к изменению значения глагола.

(26) *Eines Tages wollte Nikola Nino dieses Bild abhandeln – angeblich, weil er es schön fand* [Ende, 19], или,

(27) *Und das fand Nino gar nicht komisch* [Ende, 18].

(26') **Eines Tages wollte Nikola Nino dieses Bild abhandeln – angeblich, weil er es _____? _____ fand.*

(27') **Und das fand Nino gar nicht _____? _____.*

Семантика глаголов в данных случаях меняется, что приводит к нарушению семантики всего предложения. Нарушение это также обусловлено изменением актантного состава глагола *finden*, количественный и качественный состав которого начинает вариироваться. Таким образом, актанты *schön* и *komisch*

представляют собой семантически облигаторные компоненты высказывания. Будучи помещенными в другое окружение, они могут не проявлять валентностных свойств, или получать синтаксическую облигаторность.

(28) *Sie sah sehr schön aus.* – синтаксически облигаторный актант.

(29) *Er benahm sich komisch.* - синтаксически облигаторный актант.

Если провести подобную трансформацию, то те же актанты становятся облигаторными на синтаксическом уровне и сохраняют грамматическую корректность высказывания.

Возможны варианты, когда предложение без соответствующего семантически обусловленного актанта становится некорректным с точки зрения логики.

(30) *Der Ärger verflog, und mein Herz begann heftig zu klopfen* [Stalman, 19].

(30') **Der Ärger verflog, und mein Herz begann _____? _____ zu klopfen.*

Актант *heftig* является семантически необходимым так как конкретизирует высказывание, и сохраняет его смысловую целостность. Отсутствие его приводит к асемантичности всего предложения. Однако нельзя исключать, что в другой ситуации отсутствие подобного компонента не влияет на семантическую сторону предложения.

(30'') *Der Patient bekam die ärztliche Hilfe und sein Herz begann zu klopfen.*

Контекстуальное окружение глагола *klopfen* обеспечивает в данном случае закономерность его употребления без обстоятельства, не нарушая при этом семантической целостности высказывания. Следовательно, необходимо принимать во внимание контекстуальное окружение, в котором функционирует тот или иной актант.

В случае элиминирования обстоятельственного актанта в предложении может произойти перенос отрицания с обстоятельства на сам предикат, что инициирует изменение смысловой направленности высказывания.

(31) *Kommen Sie nicht so oft zu mir, das fällt auf* [Apitz, 377].

(31') **Kommen Sie nicht _____? _____ zu mir, das fällt auf.*

Предложение теряет первоначальную семантику и приобретает несколько измененный смысл, что, в свою очередь, позволяет отнести актант *so oft* к семантически облигаторным актантам глагола.

Таким образом, обстоятельства в предложении могут функционировать как семантически релевантные актанты, которые помогают сохранить изначальное значение высказывания. При этом они, безусловно, проявляют свой валентно-связанный характер и реализуют валентностный потенциал наряду с дополнениями, субъектами и предикатами.

1.3. Коммуникативная облигаторность актантов глагола

Глаголу как лексико-грамматическому классу всегда отводилось ведущее место при рассмотрении теории валентности с момента её возникновения. На основе глагола были созданы её теоретическая и практическая базы, которые, в свою очередь, послужили толчком для многочисленных последующих исследований, направленных на исследование валентностных свойств других морфологических классов. Так, например, валентность имён существительных с самого начала опиралась на методику исследования валентности глагола и прилагательного.

Валентностные свойства глагола, таким образом, которые многие годы находились в самом центре многочисленных исследований, казались уже изученными и не представляющими особого любопытства в связи с их достаточно подробным описанием. Однако большинство работ, посвящённых валентности морфологического класса глагола, были зачастую направлены на описание количественно-качественного состава его актантов, заполнявших детерминируемые глаголом синтаксические и семантические открытые позиции. Исследования были, как бы оторваны от процесса коммуникации и прагматического потенциала актантов, что во многом не позволяло объяснить при помощи, имеющегося на тот момент инвентаря валентности, случаи отсутствия или присутствия тех или иных актантов в разговорной и письменной речи. Первые попытки описания подобных случаев и рассмотрение адекватности применения при этом опыта, накопленного теорией валентности, были сделаны уже в конце 70-х -

начале 80-х годов прошлого столетия в работах Г. Хельбига, Л.М. Михайлова и других.

Так, например, Л.М. Михайловым были рассмотрены и описаны случаи редукции валентности глаголов в диалогической речи. В частности, им описывались примеры, когда синтаксическая и семантическая наполняемость актантов в предложении происходила за счёт привлечения контекста. На этих примерах объяснялась смыслово-синтаксическая законченность эллиптических предложений, в которых, как известно, насыщение лакун, открываемых глаголом, происходит благодаря актантам, находящимся на некоторой дистанции от него. Например:

(32) „*Ich wünsche es Ihnen nicht?*“

- „*Ich mir auch nicht.*“

Имеется в виду (*Ich wünsche es mir auch nicht*).

Как правило, необходимость привлечения текста для идентификации полноценного содержания выполняет диагностирующую функцию в процессе коммуникации, поскольку для коммуникантов подобный ответ в речевом пространстве вполне понятен на уровне объединяющих их фоновых знаний. Что же касается построения высказывания с точки зрения его грамматической корректности, то она не нарушена формально, а на содержательном уровне имеющуюся лауну можно охарактеризовать как возможность присутствия или наличия имплицитного актанта. Зачастую в диалоге нет необходимости использования либо некоторых актантов, либо самого управляющего глагола, либо его части (возможно, даже смысловой), в том случае, если это аналитическая форма глагола, так как иначе происходило бы смысловое перенасыщение ими предложения. А их отсутствие объясняется принципом языковой экономии, которого придерживаются коммуниканты в диалогической речи, потому что личный контакт и сопутствующие невербальные способы общения делают полноту высказывания излишним.

Таким образом, необходимость привлечения контекста для возможности более подробного описания валентностных свойств глагола послужило отправной точкой для выделения особой группы коммуникативно-облигаторных актантов, валентно-связанный характер которых проявляется лишь в конкретной коммуникативной ситуации. Специфика их состоит в том, что любой компонент

высказывания может стать релевантным, поскольку может изменить смысловую картину текста.

Сочетание слов в предложении-высказывании зачастую подчиняется не только грамматическим закономерностям, но и смысловой заданности.

(33) *Man vergisst **hier** alles* [Frisch, 41].

(34) *Woher wissen Sie das **so genau*** [Herrmann, 147].

Предложение (33) интересно, прежде всего, тем, что актант *hier*, помещённый в синтагматическую цепочку, согласно общей теории валентности является свободным распространителем, но, будучи помещённым в контекст, проявляет валентностные свойства, вследствие чего становится релевантным для данного предложения-высказывания. Наречие *hier*, обладая локальной семой, не коррелирует с семным составом глагола *vergessen*, поэтому остаётся за рамками его грамматической актуальности. Таким образом, возникает необходимость выявления причин использования данного речевого элемента. Привлечение широкого контекста даёт возможность их прогнозирования. Речь идёт о том, что локальный объект становится важным, так как показывает состояние субъекта, который в своём восприятии окружающего мира выходит за пределы реальности данного пространства. Именно лексема *hier* делает возможным подобное восприятие читателем.

В высказывании (34) актант *so genau* является также лишь свободным распространителем. Однако на уровне контекста он становится актуальным и показывает именно коммуникативное намерение говорящего, актуализируя необходимость своего присутствия в данной коммуникативной ситуации. Релевантность этого актанта видится в том, что для говорящего наиболее важным и значимым на уровне описываемой ситуации является не источник, а точность предоставленной информации.

Будучи помещёнными в синтагматическую цепь, слова ведут себя по-

-разному. Одни достаточно самостоятельны в том смысле, что способны придавать структурно-семантическую законченность конструкции без зависимых от них слов. Другие же, оказавшись в синтагматической цепи, обязательно требуют включения в нее в эксплицитном виде или в виде импликации зависимого от них окружения. Именно от характера глагола, его способности в составе предиката принимать то или иное существительное зависит

смысловая завершённость структуры предложения. Отбор подходящих и исключение недопустимых контекстных партнеров осуществляется на основе совместимости или несовместимости их семантических признаков, которые в свою очередь мотивированы явлениями действительности. Так, например, глаголы говорения и мышления предусматривают в качестве субъектов людей, глаголы видения в качестве объектов – конкретные предметы.

(35) „*Danke*“, *sagte sie, gab den Becher zurück und fragte dann den Burgherrn, wo seine Tochter sei* [Hohler, 31].

(36) *Der Lehrer dachte einen Moment nach und sagte dann: „Nein. Was wissen wir schon von den Müttern?“* [Hohler, 43].

Тем не менее, так называемые коммуникативно-облигаторные актанты, являющиеся релевантными в предложении могут по-разному изменять коммуникативное намерение говорящего. С одной стороны, при элиминировании того или иного актанта может лишь частично исказить передаваемую коммуникантом мысль, с другой стороны, отчеркивание другого соучастника может полностью изменить содержание высказывания. Вариантом частичного нарушения коммуникативного намерения говорящего могут послужить следующие примеры:

(37) *Sie sah ihn **noch immer nicht an*** [Herrmann, 137], или

(38) *Wartest du **noch immer auf sie?*** [Herrmann, 143]

В подобных случаях при элиминировании коммуникативно-облигаторных актантов не происходит полного искажения смыслового фона предложения-высказывания.

(37') **Sie sah ihn ___? ___ nicht an*, или

(38') **Wartest du ___? ___ auf sie?*

Однако, актуальность присутствия данных актантов не вызывает сомнения, так как в обоих случаях релевантными оказываются не сами процессы «видение» или «ожидание», а их продолжительность относительно процесса действия, выполняемого субъектом. Именно необходимость представления протяженности действий во времени обуславливает их употребление в данном контексте.

Необходимо также отметить, что в другой ситуации соответствующие актанты глагола, а точнее их отсутствие, позволяет говорить о полном нарушении коммуникативного намерения одного из участников коммуникации.

(39) *Ich tanzte nicht vor **Vaterfreude**...* [Frisch, 48], или

(40) *Marcer war auch für Umkehren, da er seine Ferien zu Ende gehen sah...* [Frisch, 52]

В первом случае актант «*vor Vaterfreude*» выполняет уточняющую функцию, так как для говорящего актуальной является причина соответствующего поведения субъекта в данной ситуации. Применяв тест на элиминирование, выясняется так же, что изменяется тип предложения с точки зрения вида предикативных отношений. По правилам грамматики немецкого языка, одним из признаков немецкого предложения является предикативное отношение, которое заложено в основу любого предложения. Это так называемое синтаксическое отношение между субъектом и предикатом, которое показывает какой из признаков – положительный или отрицательный – приписывается подлежащему. Согласно данному положению все немецкие предложения делятся соответственно на положительные и отрицательные. Таким образом, элиминирование актанта в первом случае также меняет и вид предложения с положительного на отрицательное, так как без него отрицается не объект, зависящий от глагола, а действие в целом.

(39') *Ich tanzte nicht vor Vaterfreude...*

(39'') **Ich tanzte nicht ___? ...*

Из этого следует, что помимо нарушения процесса коммуникации, вследствие изменения коммуникативного намерения, происходит ещё и изменение синтаксических отношений внутри предложения-высказывания.

Во втором случае элиминирование актанта глагола приводит к искажению смысловой целостности, вследствие чего предложение становится бессмысленным и теряет свою актуальность в процессе коммуникации. Так как в данной, конкретной коммуникативной ситуации нельзя сказать:

(40'') **Marcer war auch für Umkehren, da er seine Ferien ___? sah...*

Опущенный актант, таким образом, вследствие его понятийной значимости для высказывания можно отнести к коммуникативно-облигаторным актантам глагола, находящим свою актуализацию именно в конкретной коммуникативной ситуации, и относящимся к сфере рассмотрения, как было указано выше, прагматической или контекстуальной валентности.

Необходимо также заметить, что в других случаях элиминирование одного из актантов глагола ведет не только к

полному нарушению коммуникативного намерения говорящего, но и к изменению глагольной семантики.

(41) *Ich fand es zum Lachen* [Frisch, 39], а так же

(42) *Wir nahmen's für einen Witz* [Frisch, 52].

С одной стороны, благодаря тесту на элиминирование выявляются релевантные актанты, присутствие которых обеспечивает оптимальную информативность в процессе общения, а также успешную реализацию коммуникативного намерения говорящего. С другой стороны, необходимо заметить, что после элиминирования не происходит нарушения грамматической целостности предложения.

(41') **Ich fand es ___? ___.*

(42') **Wir nahmen's ___? ___.*

Из примеров становится ясно, что помимо смещения коммуникативного ядра высказывания с одного актанта на другой, происходит еще и изменение значения глагола с переносного на прямое, что в свою очередь не позволяет предложению стать аграмматичным с точки зрения синтаксической валентности. Не вызывает сомнения то, что данные примеры могут быть употреблены в какой-либо другой ситуации, но их присутствие в данном контексте является бессмысленным, так как актуальность их присутствия обеспечивают только вышеуказанные коммуникативно-облигаторные актанты глагола, несущие основную смысловую нагрузку, и позволяющие облегчить реципиенту понимание и стимулировать прогнозирование дальнейшей ситуации в целом.

Отсутствие соответствующего компонента у глагола зачастую дистанцирует коммуникантов друг от друга, так как высказывание теряет первоначальную интенцию и становится бессмысленным в данной коммуникативной ситуации.

(43) *Mach ein Tuch **naß** und leg es ihr auf die Stirn, sagte Sabina* [Hohler, 36].

(43') **Mach ein Tuch _____? _____ und leg es ihr auf die Stirn, sagte Sabina.*

Актант *naß* оптимизирует понимание высказывания, в то время как его отсутствие инициирует коммуникативную неадекватность ситуации. Свою актуализацию этот актант находит в контексте, что помогает обеспечить реализацию коммуникативного намерения говорящего и оптимизирует процесс восприятия сказанного реципиентом.

Конкретизация ситуации за счет различного рода актантов позволяет говорящему достичь успешности коммуникации, прибегая к употреблению наиболее релевантных компонентов высказывания, которые обеспечивают оптимальную информативность. Иногда они носят уточняющий характер и в другом окружении не проявляют устойчивой валентностной связи с глаголом, но будучи помещенными в конкретные коммуникативные условия, получают статус коммуникативно-облигаторных компонентов.

(44) *Er war als Einzelkind aufgewachsen* [Noll, 21].

(44') **Er war _____? _____ aufgewachsen.*

В приведенной ситуации с точки зрения синтаксического наполнения предложения компонент *als Einzelkind* не может рассматриваться как облигаторный, так как без него не происходит нарушения грамматической целостности высказывания, но, с точки зрения коммуникативного намерения, этот компонент несет на себе большую коммуникативную нагрузку, чем глагол. Следовательно, он относится к разряду коммуникативно-облигаторных актантов и актуализируется в речевом пространстве.

В том случае, если актуальный компонент отчеркивается в предложении-высказывания, оно становится коммуникативно-нерелевантным, что приводит к невозможности его употребления в данном контексте.

(45) *Jetzt mussten die Mützen korrekt sitzen* [Apitz, 10].

(45') **Jetzt mussten die Mützen _____? _____ sitzen.*

В результате элиминирования актанта *korrekt*, в данном случае - обстоятельства места, высказывание теряет свою коммуникативную значимость, а предложение становится бессмысленным. Актуальность конкретизации действия играет определяющую роль в ходе передачи информации, что предохраняет предложение от асемантической. В подобных случаях речь идет об абсолютной коммуникативной облигаторности актанта, а, следовательно, выявляется полная коммуникативная трансверсия смысла высказывания.

Зачастую присутствие коммуникативно-обусловленного актанта позволяет прогнозировать дальнейшее изменение ситуации. Так, например, возможно прогнозирование изменения состояния или статуса субъекта, что также оптимизирует процесс коммуникации.

(46) *Nächsten Mittwoch, einen Tag nach der Trauung, fährt sie mit ihm nach Italien, ...* [Herrmann, 125]

В высказывании уточняется изменение статуса субъекта, которое должно с ним произойти в ближайший период времени. Реципиент получает возможность правильно воспринять и адекватно отреагировать на предлагаемую ему информацию, не прибегая к переспросу и уточнению.

Возможно также ретроспективное прогнозирование ситуации за счет коммуникативно-облигаторных актантов, что сокращает процесс восприятия информации и конкретизирует ситуацию в целом.

(47) *Es waren meine Lieblingsrosen, er hatte sie mir immer mitgebracht* [Stalman, 9].

Уточнение постоянства действия в прошлом объясняет необходимость присутствия актанта в данной коммуникативной ситуации, что также позволяет адекватно воспринять предлагаемую информацию.

Кроме того, коммуникативно- или ситуативно-облигаторными в предложении могут выступать обстоятельства, описывающие состояние субъекта на момент речи.

(48) *Ich wollte knapp und sachlich darüber reden, bloß nicht weinen* [Stalman, 45].

(49) *Ich sah ihn bittend an. Er senkte den Blick auf den Schreibtisch. Ich sah ihn immer weiter bittend an* [Stalman, 45].

(48') **Ich wollte _____? _____ darüber reden, bloß nicht weinen.*

(49') **Ich sah ihn _____? _____ an. Er senkte den Blick auf den Schreibtisch. Ich sah ihn immer weiter _____? _____ an.*

В данных случаях актуальным становится описание психического состояния субъекта, что позволяет получить представление о ситуации, обстоятельствах и атмосфере, в которой находятся коммуниканты.

Наиболее релевантными становятся актанты, выносимые за пределы рамочной конструкции, что может служить дополнительным доказательством коммуникативного намерения говорящего при передаче информации.

(50) «*Sieh mal an*», sagte Maaß, *wütend vor Enttäuschung* [Noll, 18].

(50') *«*Sieh mal an*», sagte Maaß, _____? _____.

Коммуникативная обусловленность актанта *wütend vor Enttäuschung* объясняется необходимостью описания эмоционального состояния субъекта. Это оптимизирует понимание обстановки, в которой проходит действие и прогнозирует возможное

изменение ситуации. С точки зрения характера облигаторности этого актанта, в данном случае при элиминировании происходит лишь частичное изменение коммуникативного намерения, что приводит к дефициту информации и в дальнейшем может быть не вполне правильно истолковано адресатом.

Расширение информационного фона высказывания очень важно для процесса коммуникации. Любое искажение интенции может привести к информационным лакунам, что неблагоприятно отражается на процессе общения. Свободные распространители, рассматриваемые в традиционной теории валентности как необязательные, актуализируют свои валентностные свойства в коммуникации.

(51) *Im Schreibbüro saßen sie **untätig** an den Tischen, ...* [Aritz, 166].

(51') **Im Schreibbüro saßen sie _____? _____ an den Tischen, ...*

Сопутствующее глаголу обстоятельство **untätig** позволяет говорящему полностью реализовать свою интенцию. Релевантность этого актанта видится в том, что для коммуникантов наиболее важным является не само действие, а характер его протекания. В связи с этим актант становится коммуникативно-облигаторным.

Необходимо отметить, что элиминирование коммуникативно-обусловленных актантов не приводит к аграмматичности предложения с точки зрения синтаксической валентности, но, в то же время, показывает коммуникативную значимость опускаемого компонента высказывания, что характеризуется степенью реализации коммуникативного намерения.

(52) *«Ich glaube», erwiderte er sanft, «wir sollten einmal **ernsthaft** miteinander reden», ...* [Ende, 94].

(52') **«Ich glaube», erwiderte er sanft, «wir sollten einmal _____? miteinander reden», ...*

С одной стороны, элиминированный актант **ernsthaft** не является синтаксически облигаторным, так как его отсутствие не влияет на структуру предложения, но с другой стороны, он коммуникативно-облигаторен, поскольку входит в интенциональный фон высказывания. Для адресата он обладает наибольшей релевантностью, так как принимает на себя основную коммуникативную нагрузку. Интересен в данном случае не сам факт общения коммуникантов друг с другом, а то, в какой атмосфере оно будет происходить.

Описательный характер действия необходим для того, чтобы оно могло быть воспринято адекватно.

(53) *Kluttig sah hilfesuchend auf Reineboth, ...* [Aritz, 163].

(53') **Kluttig sah _____? _____ auf Reineboth, ...*

Коммуникативная облигаторность актанта *hilfesuchend* с одной стороны объясняется значимостью его присутствия в данной ситуации, с другой стороны, его отсутствие инициирует другую постановку вопроса к высказыванию. В предложении с элиминированным актантом, вопрос закономерно ставится к действию, так как предложение сужено до синтаксического минимума:

Was machte Kluttig?

В исходном варианте предложение расширяется за счет обстоятельства образа действия, что актуализирует иной вопрос:

Wie sah Kluttig auf Reineboth?

В связи с этим, элиминированный актант за счет его оптимальной информативности можно отнести к частично коммуникативно-облигаторным.

Таким образом, фактический материал предоставляет возможность выделить новый коммуникативно-облигаторный вид актантов глагола, что инициирует необходимость дополнительно рассмотреть валентностный потенциал глаголов с учетом коммуникативного аспекта валентности. В ходе исследования выяснилось, что, обладая наибольшей коммуникативной ценностью, ситуативно-облигаторные актанты представляют большой интерес для их дальнейшего исследования в русле именно валентностной проблематики, позволяющей раскрыть существующие закономерности функционирования данных языковых единиц в речи. Таким образом, смысловая компонента высказывания может быть реализована как через грамматическую валентность, формирующую корректную структуру предложения-высказывания, так и через контекстуальную, актуализованную коммуникативно-обусловленными актантами. В последнем случае имеет место смысловое завершение ситуации в целом, что диагностируется контекстом. Поэтому подобные актанты на ситуативном уровне следует рассматривать как коммуникативно-облигаторные, и учитывать их роль при рассмотрении валентностных свойств глагола.

ГЛАВА II. ВАЛЕНТНОСТНЫЕ ПОТЕНЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО КЛАССА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Валентность, несомненно, является одной из сложнейших тем современной лингвистической науки. Валентность свойственна различным частям речи, но валентность существительного поддается описанию труднее всего, а вопрос о соотношении синтаксической и логико-семантической валентности, также возникающий при рассмотрении глагола и прилагательного, является для существительного центральной проблемой [Степанова, Хельбиг, 1978: 208]. В связи с этим описание валентности имени существительного представляет, на наш взгляд, наибольший интерес. Известно, что имя существительное очень важная часть речи, с помощью которой мы называем окружающие нас предметы и явления. Но человек постоянно стремится не только дать название предмету, но и оценить его, показать его свойства, отличающие конкретный предмет от множества других, имеющих то же название.

Например, существительное *das Haus* называет хорошо известный нам предмет, но мы знаем, что существует бесконечное множество домов, и они отличаются друг от друга. Различные признаки предмета нам помогает назвать определение, выраженное, например, прилагательным, которое является вечным спутником существительного: *das grüne Haus, das schöne Haus, das warme Haus, das große Haus, das alte Haus...*

Известно также, что без определений речь не могла бы быть точной и меткой. Употребление определений, чем бы они ни были выражены, придает речи не только четкость и меткость, но и особую выразительность. Не случайно, например, в художественном описании природы, внешности человека, интерьера можно найти огромное количество определений.

(54) *Die hohen Miethäuser ... wirkten wie riesige, dunkle, leblose Ungeheuer* [Kharitidi, 15].

(55) *Eine leblose weibliche Stimme durchdringt meine panische Angst* [Kharitidi, 104].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что зависящие от существительного элементы помогают полнее раскрыть

отличительные свойства предмета, придать описанию образность, яркость, передать настроение писателя. Дело в том, что каждая субстанция очень часто не мыслится без сопутствующего ей и характеризующего ее признака, выражаемого в предложении определением.

Многие авторы, такие как К.-Э. Зоммерфельдт, М.Д. Степанова, Г. Хельбиг указывают на то, что при трансформации глагола или прилагательного в существительное их актанты автоматически переходят к данному отглагольному или отадъективному существительному. При этом авторы подчеркивают, что облигаторные и факультативные актанты производящего глагола или прилагательного при переходе к существительному становятся факультативными.

(56) *Die Entscheidung hängt von seiner Meinung ab.*

(56') *Die Entscheidung ist von seiner Meinung abhängig.*

(56'') *Die Abhängigkeit der Entscheidung von seiner Meinung*

[цит. по Степанова, Хельбиг, 1978: 208].

Существование связи между валентностью глагола, прилагательного и существительного в данном примере бесспорно.

Судить о валентности прилагательного *abhängig* и существительного *Abhängigkeit* можно на основе валентности глагола *abhängen*. Примечательно, что существительное на синтаксическом уровне, как правило, не имеет облигаторных актантов, и поэтому **облигаторные** актанты соответствующих исходных глаголов и прилагательных при их номинализации (переходе в существительное) становятся **факультативными** актантами. Таким образом, облигаторные и факультативные актанты глагола и прилагательного совпадают с факультативными актантами существительных. Сравнение валентности соответствующих глаголов, прилагательных и существительных свидетельствует о наличии тождества в логико-семантической валентности, которое на синтаксическом уровне в приведенном примере находит свое отражение в совпадении общего числа актантов (однако делящихся в соответствии с их статусом на облигаторные или факультативные).

Фактический материал демонстрирует наличие в предложении также структурно, семантически- и коммуникативно- или ситуативно-необходимых (облигаторных) элементов кроме

указанных, что подтверждается с помощью разработанного Г. Хельбигом и Г. Глинцем «теста на элиминирование».

В соответствии со всем вышесказанным нами выделяются три большие категории существительных, в которых все актанты существительного предлагается разделять также на:

а) синтаксически-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения его грамматичности/аграмматичности;

б) семантически-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения сочетаемости семантических признаков контекстных партнеров и сохранения, таким образом, смысловой компоненты предложения;

в) коммуникативно- или ситуативно-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения реализованного/нереализованного коммуникативного намерения говорящего.

2.1. Синтаксическая облигаторность актантов имени существительного

Данный раздел посвящён рассмотрению и анализу лексико-грамматического класса существительных как носителя активной валентности, и имеющего, в отличие от традиционной трактовки теории валентности, помимо факультативных также синтаксически облигаторные актанты, выступающие в предложении в функции определения. Именно определение валентно-связанного характера этого члена предложения является одной из задач настоящего исследования. Этим объясняется обращение к рассмотрению валентности существительного как морфологического класса.

К.Е. Зоммерфельд и Х.Шрейбер [Sommerfeldt, Schreiber, 1983: 33] справедливо отмечают, что есть существительные без актантов, существительные с одним, двумя или тремя актантами, что между такими группами и определёнными семантическими классами также нет прямого соответствия. Они утверждают, что если при классификации исходить не из семантических групп существительных, а из валентностных (из числа актантов), то мы получим следующие данные:

Одновалентные существительные могут обозначать:

- 1) деятельность: das Scharren der Pferde;
- 2) процесс действия: das Fallen des Laubs;

3) состояние: der Schlaf des Jungen;

4) свойства: die Größe des Sportlers;

Двухвалентные существительные могут выражать:

1) деятельность:

- это могут быть существительные, образованные от переходных глаголов: die Besichtigung der Ausstellung durch die Besucher;

- это могут быть существительные, образованные от непереходных глаголов: der Kampf des Volkes um die Befreiung;

2) состояние: die Freunde des Schriftstellers über den Erfolg;

Трёхвалентные существительные могут выражать:

1) деятельность: die Lieferung der Ware an die Verkaufsstellen durch den Großhandel;

2) свойство: die Dankbarkeit des Schülers gegenüber seinem Lehrer für die Unterstützung;

Существительные с *нулевой валентностью* обозначают, как правило, процессы действия: das Blitzen.

При такой классификации правомерно, по-видимому, поставить вопрос: можно ли таким путём разграничить свойства и состояния, и не является ли «свойство» более широким понятием по сравнению с «состоянием», ведь логически каждому субъекту (носителю признака) может быть присущ признак, т.е. свойство.

Однако стоит обратиться к вопросу именно синтаксической облигаторности имен существительных и выделению соответствующих тематических групп.

Тест на элиминирование позволяет выделить группы имен существительных, имеющих в своем арсенале заявленные выше актанты. Речь идёт о трёх группах имён существительных, обладающих активными валентностными свойствами и имеющих в своём окружении облигаторные актанты, которые заполняют синтаксические открытые позиции. Фактический материал позволяет представить три большие группы данного морфологического класса:

1. Количественные существительные, к которым относятся, с одной стороны, выделенные И.Я. Харитоновой существительные, обозначающие как количественный фактор, так и множество. Например, такие, как *eine Menge, eine Reihe, eine Anzahl, die Gesamtheit, eine Sammlung, ein Stück, ein Kilo* и так далее [Charitonowa, 1976: 23].

2. Качественные существительные. К данной группе относятся также существительные, несущие в себе сему качества определяемого предмета, такие как *eine Art, der Stil* и так далее.

3. Пространственно-временные существительные, которые обозначают определённый промежуток времени. Например, *ein Tag, eine Woche, ein Monat* и так далее.

В немецкой лингвистике под валентностью понимается способность глагола (или другой части речи) создавать вокруг себя определённые открытые позиции, которые должны быть заполнены облигаторными или факультативными актантами, составляющими, по мнению О.И. Москальской необходимый минимум предложения. М.Д. Степанова и Г. Хельбиг справедливо указывают на то, что синтаксической валентностью могут обладать лишь существительные, производные от глаголов и прилагательных, а также те, которые обладают лишь логико-семантической валентностью и не могут быть раскрыты с помощью инвентаря описания синтаксической валентности.

Следует, однако, заметить, что нельзя исключать возможности наличия у отглагольных существительных облигаторных актантов. В зависимости от окружения и от валентностных свойств, передаваемых глаголом существительному, в составе актантов у этого морфологического класса могут появляться и такие, без которых невозможно построение предложения.

(57) *Ich stieg die Treppe zur U-bahn hinunter und nahm den Zug **Richtung Büro*** [Stalman, 56];

(58) *... und das Schiff dann ablegte und **Richtung Luino** fuhr ...* [Hohler, 17];

(59) *Ich unterdrückte die Tränen und **das Bedürfnis, die Narzissen aus der Vase zu reißen** und **in den Papierkorb zu stopfen**, verließ das Büro und ging zum Friedhof* [Stalman, 30].

(60) *... , denn wir hatten mehr und mehr **das Bedürfnis, uns auszuruhen*** [Kharitidi, 82].

В данных предложениях перенимаемые от базового глагола актанты существительного получают статус облигаторных в связи с тем, что они детерминируются валентностью существительного и влияют на структуру предложения при его построении. Элиминирование таких компонентов не представляется возможным:

(57') **Ich stieg die Treppe zur U-Bahn hinunter und nahm den Zug **Richtung ?***;

(58') *... und das Schiff dann ablegte und **Richtung** _____? _____ fuhr ...;

(59') *Ich unterdrückte die Tränen und **das Bedürfnis**, _____?
, verließ das Büro und ging zum Friedhof.

(60') * ... , denn wir hatten mehr und mehr **das Bedürfnis** _____?

Соответственно этому, можно говорить о том, что не все образованные от глагола имена существительные имеют в своем составе лишь факультативные актанты. Это зависит от того, как происходит процесс передачи актантов от глагола существительному при его номинализации. Видимо актуальным в таком случае могло бы быть дополнительное исследование этого вопроса в рамках глагольной и именной валентностей.

Однако более сложным вопросом является проблема выявления синтаксически необходимых актантов собственно имен существительных, которые не являются отглагольными образованиями. Актуален в этой связи также вопрос о валентно-связанном характере зависимого от существительного члена предложения, то есть атрибута.

Е.В.Гулыга и М.Д.Натанзон указывают на то, что определения, которые, в свою очередь, являются непосредственными актантами, как правило, не являются необходимым компонентом при построении предложения, но подчеркивают, что бывают случаи, когда существительное не может стоять без соответствующего актанта [Gulyga, Nathanson, 1966: 70].

Так называемые сопроводители существительного, такие как адъективные местоимения являются формально необходимыми, так как они стоят вместо артикля:

(61) *Mein Onkel lag unter einer ... Flickendecke* [Kharitidi, 37].

В данном случае существительное не может употребляться без местоимения, так как может пострадать грамматическая целостность всего предложения.

Однако фактический материал демонстрирует наличие структурно необходимых в предложении элементов кроме названных отглагольных и отадъективных образований, что подтверждает тест на элиминирование.

Применив этот метод, можно выявить валентностные свойства первой заявленной группы количественно-качественных существительных. Специфика данной группы состоит в том, что

определяемое слово не может быть употреблено без соответствующего определяющего компонента:

(62) *An der Roonstraße steige ich aus, kaufe ein paar frische Brötchen, ein Stück Käse oder Wurst, ...* [Böll, 248].

(63) *Für die sieben Mark und sechzig Pfennig kaufe ich mir einen Stoß Millimeterpapier,...* [Böll, 244]

(64) *Schließlich kaufte ich eine Schachtel Ringelblumenseife und ein Stück biologischen Ziegenkäse, ...* [Stalman, 50]

В данных предложениях вряд ли можно говорить только о логико-семантической валентности данной группы существительных, так как после себя они требуют синтаксически обязательных актантов, необходимых для сохранения структуры предложения и его коммуникативного ядра. Нельзя сказать:

- **Ich kaufe ein Stück ? , ein Kilo ?* и так далее.

Количественные существительные по-разному могут реализовывать свое актантное наполнение. С одной стороны, зависимый определительный актант может стоять в пре- или постпозиции относительно определяемого существительного:

(65) *Für ihn gibt es auch wieder eine unendliche Menge Zubehör* [Ende, 92].

С другой стороны, существительное и актант могут находиться в непосредственной близости друг от друга. Это происходит за счет того, что они образуют сложное существительное, в котором одна часть дополняет другую.

(66) *In seiner Phantasie sah er vor sich eine Menschenmenge,...* [Ende, 99].

Тем не менее, нельзя не отметить, что в другой ситуации данные существительные могут и не иметь в предложении обязательных актантов.

(67) *Ich habe eine Menge _____ gelernt, aber mehr darf ich euch nicht sagen* [Kharitidi, 163].

В данном случае понимание содержания высказывания регулируется контекстом, поскольку существительное *eine Menge* коррелирует с указанными в препозиции актантами, например, *eine Menge Regeln, Wörter* и т.д., которые, однако, не могут относиться к факультативным вследствие их понятийной актуальности, несмотря на то, что они находятся на определенной дистанции.

Весьма схожими с первой группой валентностными свойствами обладает вторая заявленная группа качественных существительных.

Представляется вполне логичным выделить в данной группе такие существительные как *eine Art, der Stil* и другие, которые обозначают не количество или множество, а несут скорее качественную характеристику. Фактический материал содержит большое количество подобных примеров.

(68) *Seine Ruhe und die stille Art, mich anzusehen, hatten mich so durcheinander gebracht, dass ich froh war, ...* [Stalman, 56].

(69) *Ich denke, er ist zu einer Art Symbolfigur geworden, ...* [Stalman, 59].

(70) *Ich spüre eine Art Spirale in meinem Körper,...* [Kharitidi, 137].

(71) *Vor zehn Jahren spielte sich eine Art Vorgeschichte ab,...* [Böll, 72].

(72) *Du läufst hier nicht ungewaschen und ungefrüstückt 'raus, das ist nicht der Stil des Hauses. [Stalman, 64].*

Элиминирование данных актантов позволяет также сделать вывод об их структурной значимости. Не представляется возможным построить эти предложения без участия определительного элемента:

(70') **Ich spüre eine Art _____? _____ in meinem Körper,...*

(71') **Vor zehn Jahren spielte sich eine Art _____? _____ ab,...*

(72') **Du läufst hier nicht ungewaschen und ungefrüstückt raus, das ist nicht der Stil _____? _____.*

Структурная необходимость актантов существительного, в данном случае – определения, позволяет подчеркнуть их специфику и отнести к классу синтаксически облигаторных актантов.

Данную группу актантов существительного, вероятно, можно даже отнести к семантико-синтаксически-облигаторным.

Представляется логичным выделить ещё одну группу существительных, которые обладают активной валентностью и имеют в качестве облигаторных актантов определения.

К данной группе относятся имена существительные, обозначающие временной промежуток, иначе – темпоральные существительные. Это прежде всего такие существительные, как *ein Tag, eine Woche, ein Monat, ein Jahr* и так далее.

Как правило, подобные существительные не употребляются в предложении без соответствующего атрибута в пре- или постпозиции по отношению к определяемому слову.

(73) *Im Jahre 987 suchte der Großfürst Wladimir ... nach einer neuen Religion für sein Reich Rus* [Kharitidi, 114].

(73') Im **Jahre** ___?___ suchte der Großfürst Wladimir ... nach einer neuen Religion für sein Reich Rus.

(74) Und dass er **Mitte** *der neunziger Jahre* verschwunden ist, ...
[Stalman, 59].

(74') Und dass er **Mitte** ___?___ verschwunden ist, ...

(74'') Und dass er **Mitte** *der ? Jahre* verschwunden ist, ...

В данных случаях невозможно обойтись без соответствующего определения, так как, элиминировав его, мы получаем с точки зрения семантики абсолютно бессмысленное предложение, а это, в свою очередь, делает его аграмматичным с точки зрения синтаксиса. Известно, что при построении подобных предложений-высказываний берется во внимание логически соотносимые связи между его компонентами.

Последний пример интересен ещё и тем, что содержит сразу два облигаторных определения, принадлежащих к одной и той же группе существительного, обозначающего некоторый промежуток времени. Здесь мы имеем дело с так называемыми определениями разных степеней.

Так, например, А.Г. Арсеньева (также: G. Helbig, J. Buscha, H. Jedig и др.) различает в предложении определения различных степеней. Как правило, они встречаются у несогласованных определений. Под определением первой степени понимают определение к любому другому члену предложения (подлежащему, дополнению и так далее). Под определением второй степени понимают определение к другому определению (первой степени). Определение второй степени может также иметь при себе определение третьей степени и так далее [Arssenjewa, 1963: 258].

(75) *Die nationale kulturelle Autonomie hat das Recht auf Unterstützung der Organe der Staatsmacht und der Organe der örtlichen Selbstverwaltung zur Bewahrung der nationalen Identität, der Entwicklung der nationalen Sprache und der Nationalkultur.*
[Efremova, 2000: 168]

<u>Основа предложения</u>	Die Autonomie	hat das	
<u>Recht</u>			
1	nationale	kulturelle	auf
<u>Unterstützung</u>			
2	der Organe	der Organe	zur Bewahrung
3	der Staatsmacht	der Selbstverwaltung	der Identität
<u>derEntwicklung</u>			

÷

Вполне возможно, что в этой связи можно также различать и валентность разных степеней или уровней (в зависимости от того, принадлежит она носителю валентности или его актанту, или, иначе говоря, носителю активной или пассивной валентности).

Таким образом, стоит признать справедливым вывод Г.Хельбига о специфике синтаксической валентности имен существительных, которую он называет синтаксической валентностью “Б”, в сравнении с синтаксической валентностью глаголов “А”. Однако, валентность “А” предполагает существование как облигаторных, так и факультативных актантов, а синтаксическая валентность “Б” - только факультативных актантов. Исследованный материал свидетельствует о том, что некоторые существительные все-таки требуют после себя не только факультативных, но и облигаторных актантов.

Несомненно также, что недостаточно оправданным можно считать тезис о том, что существительные (согласно общей теории валентности – только отглагольные и отадъективные) обладают исключительно факультативной валентностью. Исходя из фактического материала, можно выявить также облигаторные актанты имен существительных. Специфика валентности базового глагола, от которого они образованы, предопределяет валентностные свойства образуемого существительного. В зависимости от актантного состава глаголов определяется как количественный, так и качественный состав актантов у имени существительного.

Фактический материал позволяет сделать вывод о том, что даже собственно имена существительные обладают весьма специфическими валентностными свойствами, и что они могут быть наряду с глаголом носителями активной валентности. Выделение трех основных тематических групп имен существительных (количественные, качественные, пространственно-временные), обладающих синтаксически облигаторными актантами, позволяет говорить о недостаточной изученности валентностных черт этого морфологического класса. Фактор синтаксической облигаторности актантов самостоятельных имен существительных, предполагает наличие у этого морфологического класса скрытых, мало изученных и специфических валентностных свойств.

2.2. Семантическая облигаторность актантов имени существительного

Рассмотрение определения, выступающего в предложении актантом существительного многими авторами, (см., например, [Jung, 1966], [Helbig, Buscha, 1976], и др.) как неактуального для сохранения структуры и семантики предложения, в котором оно употреблено, привело к необходимости более подробного рассмотрения валентностного, а, следовательно, и синтаксического статуса определений.

Для разграничения семантически облигаторных актантов предлагается рассматривать и с точки зрения полного или частичного изменения семантики предложения, используя для этого уже известный тест на элиминирование или, иначе говоря, «метод опускания». Исходя из этого, предлагается разделить все рассматриваемые в данном разделе актанты имени существительного на абсолютно и частично семантически облигаторные. Изменение семантики предложения предлагается назвать семантической трансверсией, которая, в зависимости от характера ее изменения, также может быть частичной или полной. Таким образом, случаи, в которых предложение без сопутствующего определительного актанта существительного становится асемантическим, являются примерами абсолютной семантической облигаторности актантов, а предложения, в которых происходит частичное изменение их семантики, будут обозначаться как обладающие частично облигаторными актантами имени существительного.

Анализу семантической облигаторности определения посвящены разделы многих грамматик современного немецкого языка. Так, например, в грамматике Дудена [Dudengrammatik, 1984: 592] рассматривается семантико-синтаксическая необходимость определения. В данном источнике отмечается, что:

1) определение необходимо, так как без него формулировка была бы некорректна:

(76) *Ein Baum fiel auf die Strasse*, но нельзя сказать:

(76') * ? *Baum fiel auf die Strasse*.

В данном случае числительное *ein* выступает в роли согласованного определения. При элиминировании актанта, частично изменяется семантика предложения. Формально актант несет еще и структурную нагрузку, так как передает грамматические

характеристики определяемого слова, и, следовательно, не может быть опущен в предложении.

2) определение необходимо, так как по содержанию формулировка без него была бы бессмысленной:

(77) ***Bellende*** *Hunde* *beissen* *nicht*. [Dudengrammatik, 1984: 592], но нельзя сказать:

(77') * ___ ? ___ *Hunde* *beissen* *nicht*, или по аналогии:

(78) *Der* *schlafende* *Mensch* *spricht* *nicht*, но нельзя:

(78') **Der* _____ ? _____ *Mensch* *spricht* *nicht*.

В данных случаях (если предложение не извлечено из контекста) существительное немислимо без соответствующего определения, так как теряется смысл всего высказывания, то есть страдает также структура всего предложения. В последнем предложении актант ***bellende*** является частью устойчивой конструкции, в которой элиминирование любого из компонентов ведет к нарушению семантики предложения в целом.

Е.В.Гулыга и М.Д.Натанзон указывают на то, что определения, как правило, не являются необходимым компонентом при построении предложения, но подчеркивают, что бывают случаи, когда существительное все-таки не может стоять без определения [Gulyga, Nathanson, 1966: 70]:

1) адвербиальный родительный падеж образа действия и предикативный родительный падеж, как правило, сопровождаются адъективным определением:

(79) *Sie* *ist* ***guter*** *Laune*.

2) в некоторых других случаях, как отмечают авторы, существительное без соответствующего актанта не имеет смысла:

(80) *Der* *Junge* *ist* *von* ***grossen*** (***kleinem***) *Wuchs* [Gulyga, Nathanson, 1966: 71].

В данных случаях также представлены примеры, где существительное не мыслится без конкретного определяющего слова. Замена компонента высказывания приводит либо к искажению, либо к полному изменению семантики всего предложения, вследствие чего оно может стать бессмысленным. В данном случае семантическая избирательность обусловлена, возможно, даже не существительным, а всем устойчивым словосочетанием.

Опираясь на данное положение авторов, во фразеологическом словаре можно найти аналогичные примеры, когда все предложение без определения, как актанта существительного, теряет свой смысл.

Применив упомянутый выше “метод опускания”, мы замечаем, что остаток предложения становится бессмысленным, вследствие чего страдает и структура высказывания, то есть в данных случаях мы можем говорить как о семантической, так и о синтаксической необходимости определения:

(81) *Er hatte oft lockere Hand,*

но не:

(81')* *Er hatte oft Hand.*

(82) *Sie ist guter Laune heute,*

но не:

(82') **Sie ist Laune heute.*

(83) *Den ganzen Tag lag er auf der faulen Haut,*

но не:

(83') **Den ganzen Tag lag er auf der Haut.*

Подобные примеры, являясь устойчивыми выражениями, довольно часто встречаются в речи, именно поэтому человеку, изучающему язык, необходимо знать и понимать их значение. Во фразеологических единствах необходимыми являются, как правило, все его компоненты, вследствие этого – и актанты существительного, которые не могут быть ни отброшены, ни заменены на какие-либо другие без нарушения семантики всего предложения:

(84) *Er ist ein stiller Mann,* что можно перевести как: **Он умер.**

(85) **Er ist ein guter (schlechter, erfahrener usw.) Mann.*

Предложение при элиминировании одного из компонентов теряет статус фразеологического единства, вследствие чего меняется, не только семантика его компонентов, но и всего высказывания. То есть, актант существительного приобретает статус семантически облигаторного и актуализует свое присутствие в данном предложении.

Следует добавить, что любой из фразеологизмов, основанный на сочетании определения с определяемым словом, идентифицируется как устойчивое выражение именно в результате скрытых валентностных свойств существительного, так как при замене на другой актант исчезает семантическая заданность структуры, то есть проявляется закономерность межактантного взаимодействия. Если взять фразеологический ряд, то можно найти подтверждение данного тезиса при подстановке других лексем в словосочетании.

- mit dem grossen Messer schneiden – хвастаться

- *mit dem scharfen Messer schneiden

- j-m goldene Brücke bauen - облегчить кому-либо путь к отступлению

- *j-m große Brücke bauen

- das grosse Wasser - Атлантический океан

- * das reine Wasser

- auf gutem Wege sein - идти на лад (о делах)

- * auf richtigem Wege sein

- in wilder Ehe leben - жить гражданским браком

- *in glücklicher Ehe leben

- eine offene Aussprache haben - иметь откровенный разговор с кем-либо

- *eine gute Aussprache haben

- eine weiche Birne haben - быть слабоумным

- *eine reife Birne haben

- ein gemachter Mann - подходящий человек

- *ein schlechter Mann

К группе существительных, имеющих семантически-облигаторные актаны, также можно отнести другие, которые нельзя отнести ни к одной из вышеуказанных групп. Специфика данной группы состоит, прежде всего, в том, что они получают свои синтаксически-необходимые актаны лишь в конкретной коммуникативной ситуации. Они не обладают валентностными свойствами согласно общей теории валентности, так как не являются ни отглагольными, ни отадъективными образованиями, в связи с чем необходимо заметить, что они занимают отдельную нишу и могут обладать хотя и не регулярно, активной валентностью.

(86) Er sah sie (die Mappe) mit hochgezogenen **Augenbrauen** durch... [Stalman, 45]

(87) Der Wagen war fast leer, aber ausgerechnet mir gegenüber saß eine Frau mit unsteten **Augen** und ungekämmten **Haaren**... [Stalman, 56]

(88) Er war schlank, fast zierlich, hatte bräunliche **Haut** und schulterlange dunkle **Haare** ... [Stalman, 55]

(89) Das Polizeipräsidium sah aus wie ein Schloss. Steinerne Löwen mit leeren **Gesichtern** hockten am Treppenaufgang, ... [Stalman, 44]

Из примеров следует, что при элиминировании данных определений в данной ситуации полностью нарушается семантика всего предложения-высказывания, вследствие чего всё предложение становится аграмматичным. Нельзя сказать:

(86') *Er sah sie (die Mappe) mit ___?___ **Augenbrauen** durch...

(87') Der Wagen war fast leer, aber ausgerechnet mir gegenüber saß eine Frau mit ? **Augen** und ? **Haaren**...

(88') Er war schlank, fast zierlich, hatte ? **Haut** und ? **Haare** ...

Для каждого из приведённых высказываний наиболее актуальным является не соматизм как таковой, а его описание, поскольку антропонимический показатель является непосредственной составляющей физиологического компонента человека. Предложение, таким образом, становится асемантическим, что объясняет необходимость присутствия в нем актанта существительного как смыслообразующего компонента.

Наличие валентности у данных существительных бесспорно. Их можно было бы свести лишь к группе существительных, обладающих семантически облигаторными актантами, но реализация их валентностных свойств в речи, свидетельствует о коммуникативной обусловленности употребления этих компонентов в контексте.

(90) *Diese antwortete nicht und blickte sie nur mit weit aufgerissenen Augen an* [Hohler, 32].

(90') * *Diese antwortete nicht und blickte sie nur mit ? **Augen** an*

Элиминирование определительного актанта не представляется возможным также с точки зрения его коммуникативной значимости. Исходя из интенции говорящего, для которого наиболее релевантным видится качественная характеристика брошенного на собеседника взгляда. Неоспоримым, однако, является валентно-связанный характер данных актантов как на уровне отдельно взятого предложения, где они становятся семантически абсолютно облигаторными, так и на уровне речи, на котором они обретают дополнительную коммуникативно-обусловленную значимость в рамках предложения-высказывания, и напрямую зависят от выражаемого коммуникативного намерения.

В некоторых случаях актант существительного обуславливает его значение. При отсутствии соответствующего определения семантика существительного может быть недостаточно понятной, что приводит к нарушению понимания всего предложения:

(91) *Alle Gefühle, die er durchlebte, spiegelten sich in seinen Zügen wider* [Kharitidi, 47].

(91') * *Alle Gefühle, die er durchlebte, spiegelten sich in ? **Zügen** wider.*

Понимание значения существительного *Züge* становится возможным только благодаря сопутствующему ему актанту *seinem*. Коррелируя с определяемым им словом, актант образует с ним некое семантическое единство, благодаря которому становится понятным содержание всего предложения. При частичном изменении семантики, данный актант можно отнести к частично семантически облигаторным, поскольку предложение на уровне языка не становится асемантическим, а лишь изменяет смысл высказывания.

Актанты имени существительного зачастую конкретизируют высказывание и помогают коммуникантам достичь взаимопонимания, что облегчает процесс коммуникации в целом. Следовательно, определения, являясь актантами существительных, очень часто несут наибольшую смысловую и, как уже было выяснено в предыдущем разделе, синтаксическую нагрузку. В этой связи, возникает необходимость пересмотра статуса определений как членов предложения. Суть этой проблемы заключается в том, что атрибуты не рассматриваются рядом лингвистов как необходимые в предложении (см. подробнее, [Helbig, Buscha, 1976: 231], [Jung, 1966: 10]).

Соответственно этому, например, многие немецкие ученые не рассматривают определение как полноправный член предложения наряду с дополнением и обстоятельством.

В. Юнг, рассматривая проблему статуса определения, называет его членом предложения второй степени (*Satzglied des zweiten Grades*) или составной частью члена предложения (*Gliedteil*). При этом автор, хотя и говорит о наличии тождества между двумя этими понятиями, отмечает между тем, что выражение *Gliedteil* является более предпочтительным [Jung, 1966: 10].

Г. Хельбиг и Й. Буша (также: Heidolph; Glinz; Hentschel и др.) тоже утверждают, что определение является составной частью члена предложения [Helbig, Buscha, 1976: 231].

В отличие от данных авторов Й. Эрбен называет определение элементом низшего ранга (*Element des niederen Satzranges*).

Следует уточнить, что в настоящем исследовании за основу берется традиционная трактовка определения как члена предложения, вслед за отечественными лингвистами, такими как В.Г. Адмони, Л. Зиндер и Т. Строева и др., которые понимают под определением второстепенный зависимый член предложения, грамматически подчиненный любому другому члену предложения, выраженному

существительным. В немецком языке определение отвечает на вопросы: *Welcher? -es? -e? -e?*; *Was für ein? Was für eine?*; *Der, das, die wievielte?*; *Wessen?* и *Wieviel?* [Зиндер, Строева, 1957: 270].

Многие немецкие ученые отмечают, что существуют определения не только к существительному, но и к прилагательному и к наречию.

Подобной точки зрения придерживаются авторы других грамматических источников. Так, например, Шульц и Гризбах [Schulz, Griesbach, 1978: 361] (также: Helbig, Buscha; Н. Weinrich; Е. Hentschel и др.) указывают на то, что наречия и прилагательные могут иметь при себе определения. При этом определения могут стоять как перед, так и после определяемого слова. Например:

(92) *Links von mir steht eine Tasse mit Erde* [Kharitidi, 149] или,

(93) *Die Grosse Steinstrasse ist ganz in der Nähe...* [Herrmann, 238];

(94) *Die Damen wollen erst am Abend wieder zurueck sein* [Herrmann, 237].

Что касается последнего примера, то здесь необходимо пояснить, что немецкие лингвисты относят частицы к наречиям. Следовательно, частица *erst* в последнем примере является ни чем иным как наречием, которое в предложении выступает в роли определения, относящегося к наречию *am Abend*.

Помимо синтаксического статуса определений в иерархии членов предложения пересмотру подлежит также их валентностный статус. Как отмечалось выше, атрибуты не относятся традиционной теорией валентности к валентно-связанным членам предложения, что представляется не вполне корректным.

Фактический материал демонстрирует также предложения, в которых определение функционирует как необходимый смыслообразующий компонент.

(95) *Andere bezeichneten es als das Land des weißen Wassers und der hohen Berge oder als Land der Lichtgeister oder Land des lebenden Feuers oder als Land der lebenden Götter* [Kharitidi, 116].

(95') **Andere bezeichneten es als das Land _____? _____ und _____? _____ oder als Land _____? _____ oder Land _____? _____ oder als Land _____? _____.*

Элиминирование определительных актантов существительного *das Land* приводит к нарушению семантики всего предложения. Отсутствие качественного признака определяемого существительного в данном случае невозможно, так как это обуславливает дальнейшую асемантичность высказывания. Следовательно, зависящий от существительного актант можно считать абсолютно семантически облигаторным.

Существительное *das Land* зачастую нуждается в описании или конкретизации в предложении, поскольку общий смысл предложения может быть не понятен, если его опустить.

(96) *Manche nannten es das verschlossene Land* [Kharitidi, 116].

(96') **Manche nannten es das _____ Land.*

Предложение (126) не является грамматичным, но меняется смысл высказывания.

Очень часто определительный актант несет на себе основную смысловую нагрузку, конкретизируя существительное и не давая сместиться смысловому ядру высказывания.

(97) *Der Inhalt meines Magens schien unendlich tief zu fallen* [Böll, 59].

(98) *So konnten die einfachen, noch leseunkundigen Menschen den Inhalt der Bibel leichter vermittelt erhalten und erfassen* [Seydewitz, 58].

(97') **Der Inhalt _____ schien unendlich tief zu fallen.*

(98') **So konnten die einfachen, noch leseunkundigen Menschen den Inhalt _____ leichter vermittelt erhalten und erfassen.*

При помощи элиминирования актантов существительного *der Inhalt*, обнаруживается семантическая неполноценность высказывания, что, в свою очередь, влияет на его понимание. Следовательно, актанты можно отнести к частично семантически облигаторным. Предложение не становится асемантичным, но наблюдается изменение его смысловой направленности.

Порой существительное логически дополняется актантом, поскольку без него оно утрачивает необходимость употребления в предложении.

(99) *Mit überlauter Stimme gab Höfel den Befehl durch die Räume* [Apitz, 161].

(100) «*Und eines Tages*», *sagte er im Ton eines Märchenerzählers, der aus alten Zeiten berichtet ...* [Stalman, 58]

(99') **Mit _____ Stimme gab Höfel den Befehl durch die Räume.*

(100') *«Und eines Tages», sagte er im Ton _____? _____, der aus alten Zeiten berichtet ...

В случае элиминирования актантов существительных *Ton* и *Stimme* предложения становятся асемантическими, так как употребление этих имен без сопутствующих им определительных компонентов нарушает семантическую корректность высказывания. Вследствие этого актанты получают статус семантически облигаторных.

Определения выражаются в предложении по-разному и могут стоять как в пре-, так и в пост позиции по отношению к слову, которое они определяют. В традиционной теории валентности, которая рассматривает наличие при отглагольных и отадъективных существительных лишь правосторонних факультативных актантов, потому как их характер детерминирован валентностью исходного глагола или прилагательного. Например:

(101) *Das Entstehen und das Aufblühen der graphischen Kunst fällt zusammen mit der Entwicklung des aufstrebenden Bürgertums* [Seydewitz, 58].

Однако фактический материал позволяет рассматривать необходимость и левосторонних актантов существительного, показывая при этом их семантическую значимость для всего предложения.

(102) *Aber die Kollegen sind erfahrene Leute* [Stalman, 46].

(103) *Dann war es nicht Zufall oder Schicksal oder Gottes Wille, dass er sterben musste* [Stalman, 43].

(102') **Aber die Kollegen sind _____? _____ Leute.*

(103') **Dann war es nicht Zufall oder Schicksal oder _____? _____ Wille, dass er sterben musste.*

Элиминирование актантов приводит к тому, что нарушается семантика предложения и под сомнение ставится необходимость присутствия определяемых существительных в рамках данного конкретного предложения.

Таким образом, имена существительные могут обладать весьма специфическими валентностными свойствами, которые детерминируют присутствие у них семантически облигаторных актантов, выступающих в предложении в функции определений. На базе фактического материала также обосновывается валентностный статус атрибутов, которые могут быть необходимыми для сохранения семантической целостности высказывания, а следовательно, могут

обладать характером валентно-связанных членов предложения наряду с дополнением и обстоятельством. Семантическая ценность каждого отдельного актанта определяется при помощи теста на элиминирование можно также определить семантический минимум предложения.

2.3. Коммуникативная облигаторность актантов имени существительного

Наибольший интерес при детальном рассмотрении каждой конкретной ситуации представляют имена существительные, актанты которых на синтаксическом уровне предложения являются, согласно общей теории валентности, лишь факультативными, а на текстово-грамматическом или коммуникативном уровне становятся либо коммуникативно-облигаторными либо ситуативно-облигаторными актантами [Helbig, 1985: 153].

Коммуникативная облигаторность данных актантов достигается, прежде всего, тем, что после теста на элиминирование нарушается, либо полностью меняется смысл всего высказывания, а соответственно не реализуется коммуникативное намерение говорящего, либо обнаруживается частичное нарушение или нереализация данного намерения. Происходит, таким образом, коммуникативная трансверсия в рамках предложения-высказывания, которую, в свою очередь, можно также разделить на полную и частичную.

Благодаря тесту на элиминирование можно установить, что многие актанты являются не только семантически, но – что ещё важнее – коммуникативно-необходимыми, так как они в результате оказываются наиболее релевантными в различных ситуациях, обладают оптимальной информативностью и обеспечивают успешность коммуникации.

Подобные случаи в языковой представленности нередки и требуют особого внимания не только и не столько в русле лингвистики текста, сколько именно в валентной проблематике. Зачастую наиболее релевантный в коммуникативном плане актант не признаётся традиционной теорией валентности как облигаторный, поскольку он рассматривается в отрыве от его контекстуальной значимости.

Примером коммуникативно-необходимых актантов могут служить следующие примеры:

(104) *Das ist der Anfang vom Ende.* [Herrmann, 171]

В данном случае актант *vom Ende* является, определённо, коммуникативно-облигаторным. Это выясняется при помощи теста на элиминирование, благодаря которому становится очевидным, что, опустив этот актант, с одной стороны, не нарушается грамматическая структура, но, с другой стороны, обнаруживается коммуникативная трансверсия. Её в приведённом примере можно отнести к абсолютной коммуникативной трансверсии, так как происходит коммуникативная трансверсия, вследствие чего нарушается намерение говорящего.

(104') * *Das ist der Anfang _____?*

Очевидно, что для субъекта общения, высказывающего данную мысль, актуальным является точное выражение начала процесса, неумолимо движущегося к своему завершению. Именно важность конечности данного действия заставляет коммуниканта прибегнуть к употреблению указанного актанта.

Необходимо также подчеркнуть, что существительное *der Anfang* не является ни отглагольным, ни отадективным образованием, на валентность которых ссылаются многие авторы, подчеркивая тем самым невозможность обладания валентностью самостоятельными именами существительными.

Примером коммуникативной трансверсии, а, следовательно, и полной коммуникативной аномалии могут служить также следующие примеры:

(105) *Ich hatte es immer albern gefunden, wenn Frauen mit ihren unter der Erde liegenden Ehemännern sprachen.* [Stalman, 30]

(106) *Ich sprach mit meinem toten Mann.* [Stalman, 56]

(107) *Selbst bei Licht verlor das befremdliche Haus des toten Schamanen seine beklemmende Atmosphäre nicht* [Kharitidi, 87].

(105') * *Ich hatte es immer albern gefunden, wenn Frauen mit ihren _____ Ehemännern sprachen.*

(106') * *Ich sprach mit meinem _____ Mann.*

(107') * *Selbst bei Licht verlor das befremdliche Haus des _____ Schamanen seine beklemmende Atmosphäre nicht.*

Исходя из примеров, едва ли можно говорить об отсутствии валентности у данных существительных. Их актанты, в роли которых выступают определения, являются в подобных случаях наиболее релевантными в тексте и вследствие этого обретают свою значимость

в рамках теории валентности. После элиминирования одного из таких актантов, полностью нарушается коммуникативное намерение говорящего, а в связи с этим можно говорить об их коммуникативной облигаторности. В предложении не нарушается синтаксическая структура, но нарушение его семантики в рамках всей коммуникативной ситуации приводит к бессмысленности его употребления в данном контексте. Необходимость наличия определительных актантов существительного в такого рода примерах детерминирована их смысловой значимостью для сохранения содержания всего предложения-высказывания. Для реципиента наиболее актуальным является описательная характеристика состояния объекта, о котором идёт речь в данный момент времени.

Проанализированные примеры интересны, прежде всего, тем, что благодаря элиминированию выявляется актант существительного, отсутствие которого приводит к полному нарушению коммуникативного намерения говорящего субъекта, то есть к полной коммуникативной трансверсии. Сравним:

(106'') *Ich sprach mit meinem toten Mann.*

или

(106''') **Ich sprach mit meinem ____? ____ Mann.*

Как правило, дейксисы, вследствие их тесной связи с контекстом, выступают в предложении в качестве коммуникативно-облигаторных актантов имени существительного. Включение их в широкий контекст позволяет коммуникантам облегчить процесс передачи информации друг другу. Например:

(108) *Diese Konferenz, so war die Meinung der Kommunisten, müsse deshalb sabotiert werden* [Hohler, 13].

В данном примере примечательным является то, что дейксис, помимо того, что он несет одну из основных смысловых нагрузок формально необходим с грамматической точки зрения для сохранения грамматической корректности.

Данный актант находится в центре внимания говорящего, так как подчеркивает единичность и важность конференции, которая была посвящена вопросу устройства Европы после Первой Мировой войны,

В примере также представлен еще один коммуникативно-облигаторный актант *der Kommunisten*, относящийся к существительному *die Meinung*. Этот актант позволяет

конкретизировать предоставляемую коммуникантом информацию с целью оптимизации процесса ее восприятия реципиентом.

(108') * *Diese Konferenz, so war **die Meinung** _____?, müsse deshalb sabotiert werden.*

При элиминировании актанта *der Kommunisten*, в предложении частично нарушается коммуникативное намерение говорящего, что в дальнейшем может привести к искажению предоставляемой информации воспринимающим субъектом общения. Актуальной в данном случае является не суть выражаемого мнения, а его источник. Таким образом, наиболее актуальная смысловая компонента высказывания может быть реализована через контекстуальную валентность, актуализованную коммуникативно-обусловленными актантами.

Существительные, определяемые в лингвистике как соматизмы, также представляют большой исследовательский интерес с точки зрения коммуникативной обусловленности их актантов, которые в речевом пространстве получают статус коммуникативно-облигаторных. Это становится возможным благодаря их появлению в конкретном контекстуальном окружении. Соответствующий определительный компонент существительного в подобных высказываниях является релевантным, поскольку может изменить смысловую картину текста.

(109) *Während unseres Gesprächs lag sein Zimmernachbar regungslos, mit **halb geöffnetem Mund** im Bett und ließ nur von Zeit zu Zeit ein leises Stönen hören* [Hohler, 6].

(110) *Ich erinnerte mich daran, ihn bei der Beerdigung gesehen zu haben: mittelgroß, mit einem **runden** Gesicht unter grauen Haaren...* [Stalman, 44].

(111) *Gegen Mittag klopfte es, und Frau Beifuss trat herein, auf **leisen Sohlen** und mit einem **Ich-bin-gar-nicht-da-mich-gibt-es-überhaupt-nicht-Ausdruck** im Gesicht* [Stalman, 29].

Элиминирование приводит к тому, что предложение становится бессмысленным и теряет актуальность для коммуникации:

(109') * *Während unseres Gesprächs lag sein Zimmernachbar regungslos, mit _____? **Mund** im Bett und ließ nur von Zeit zu Zeit ein leises Stönen hören.*

(110') * *Ich erinnerte mich daran, ihn bei der Beerdigung gesehen zu haben: mittelgroß, mit einem _____? **Gesicht** unter grauen Haaren...*

(111') **Gegen Mittag klopfte es, und Frau Beifuss trat herein, auf
? **Sohlen** und mit einem _____ ? **Ausdruck** im Gesicht.*

В данной конкретной ситуации актанты, находящиеся в препозиции к определяемому ими соматизму, становятся абсолютно коммуникативно-облигаторными, в связи с тем, что выражают наиболее важный признак, и являются, таким образом, смыслообразующими. Поэтому слово в подобных случаях становится актуальным не только с формально-содержательных позиций, но и с точки зрения его сочетаемостных потенций.

Для каждого из приведённых высказываний наиболее актуальным является не соматизм как таковой, а его описание, поскольку антропонимический показатель является непосредственной составляющей физиологического компонента человека.

Контекстуальная зависимость соматизмов доказывается тем, что в другом окружении они могут быть употреблены без актантов.

(112) «*Was denn, was denn?*» *sagte der graue Herr und zog die **Augenbrauen** hoch* [Ende, 93].

В данном случае соматизм не нуждается в конкретизации, так как является семантически и коммуникативно самодостаточным. Определительный актант может лишь придать дополнительную описательную характеристику существительному, но не будет являться коммуникативно-облигаторным.

(112') «*Was denn, was denn?*» *sagte der graue Herr und zog die **schwarzen Augenbrauen** hoch.*

Присутствие того или иного коммуникативно-обусловленного компонента может также прогнозировать предлагаемую коммуникантом ситуацию. В этом случае вдвойне усиливается обязательность наличия актанта в предложении-высказывании.

(113) *Ein einziger Schlag der Hände **an die Hosennaht*** [Apitz, 10].

(113') **Ein einziger Schlag der Hände _____ ? _____.*

Элиминирование актанта *an die Hosennaht* показывает с одной стороны актуальность его присутствия с точки зрения интенции говорящего, так как происходит ее изменение, с другой стороны, прогнозируются обстоятельства, при которых протекает действие. Реципиенту становится ясно, что речь идет о военной тематике, а актант позволяет облегчить процесс восприятия передаваемой информации и обуславливает адекватное на нее реагирование.

Зачастую прогнозирующая функция, которую выполняет коммуникативно-облигаторный актант, предопределяет актуальность

его использования в данной ситуации и обеспечивает оптимизацию процесса коммуникации.

В определенном контекстуальном окружении существительное требует локального уточнения, благодаря которому также оптимизируется процесс восприятия передаваемой информации.

(114) *Wer vom Bahnhof in Locarno zur Altstadt hinuntergeht, kommt nach wenigen Schritten an einer Passage vorbei, ...* [Hohler, 5]

(114') *Wer vom Bahnhof _____ zur Altstadt hinuntergeht, kommt nach wenigen Schritten an einer Passage vorbei, ...*

Локальная конкретизация существительного *Bahnhof* позволяет очертить место, в котором протекает действие, что актуализирует облигаторность наличия актанта в предложении-высказывании. И напротив, его отсутствие вызывает изменение смыслового фона, вследствие чего предложение не реализует полностью выражаемое коммуникативное намерение.

Уточняющий компонент всегда предусматривает существование причины его употребления в коммуникативной ситуации, так как отграничивает друг от друга объекты окружающего мира.

(115) *Deutsche Gegenwartsliteratur spielte für uns damals keine Rolle*
[Baßler, 9].

Определительный актант позволяет точнее выразить интенцию говорящего за счет того, что конкретизирует объект, вычлняя его из их общего числа подобных объектов. Релевантным является в данном случае атрибут существительного *Gegenwartsliteratur*, поскольку сужает рамки рассматриваемого объекта. Подобное сужение облегчает понимание, высказываемого коммуникативного намерения. С другой стороны, актант *Deutsche* является формально синтаксически необходимым, передавая грамматические характеристики определяемого слова.

Атрибуты конкретизируют значение существительного, помогая понять его значение в предложении. В случае отсутствия соответствующего актанта имя теряет свое значение, в котором оно было употреблено.

(116) *Sie fingen ihn mit den Armen auf, aus dem Mundwinkel sickerte ihm ein dünner roter Faden* [Apitz, 163].

(116') **Sie fingen ihn mit den Armen auf, aus dem Mundwinkel sickerte ihm ein ? Faden.*

В приведенном случае актанты существительного *Faden* несут на себе дополнительную смысловую нагрузку и являются коммуникативно-облигаторными актантами, поскольку помогают понять, что данное существительное употреблено не в своем прямом значении, а в значении *Blut*. В связи с этим актанты актуализируют необходимость своего присутствия, так как сохраняют истинный смысл высказывания. Актанты *dünner* и *roter* предлагается рассматривать как пример полной коммуникативной трансверсии, поскольку их значимость определяется характером их воздействия на процесс понимания передаваемой информации адресатом.

Определительным актантом существительного может выражаться зачастую коммуникативно-необходимый фактор принадлежности, который позволяет максимально точно выражать предлагаемую информацию.

(117) *Wenn man Wolzows Erzählungen glauben dürfte, so waren die Wolzows ein preußisches Offiziergeschlecht, ...* [Noll, 4]

(118) *Ich öffnete die grüne Mappe mit Rodes Lebenslauf, ...* [Stalman, 44]

(117') **Wenn man _____? _____ Erzählungen glauben dürfte, so waren die Wolzows ein preußisches Offiziergeschlecht, ...*

(118') **Ich öffnete die grüne Mappe mit ___? ___ Lebenslauf, ...*

С точки зрения понятийной актуальности данных актантов не представляется возможным их элиминирование, поскольку дефицит информации приводит к нарушению коммуникативного намерения говорящего.

В процессе коммуникации предпочтение отдается определениям, так как благодаря их дополнительным описательным и конкретизирующим характеристикам информативно и быстро передается интенциональная заданность высказывания.

(119) *Die Kunst des Kupferstiches pflegten jedoch meist die Goldschmiede, ...* [Seydewitz, 59]

(119') **Die Kunst _____? _____ pflegten jedoch meist die Goldschmiede, ...*

В приведенном примере актант *des Kupferstiches* конкретизирует и сужает определяемое им существительное *Kunst*, позволяя тем самым точно передать выражаемое в высказывании коммуникативное намерение.

Таким образом, имена существительные могут обладать весьма специфическими скрытыми валентностными свойствами, которые

реализуются в конкретной коммуникативной ситуации и приобретают при этом актанты, функционирующие в речевом пространстве как коммуникативно-облигаторные. Определения при этом получают статус валентно-связанных членов предложения, играющих важную роль при построении предложения-высказывания. Наличие у существительного подобных ситуативно обусловленных компонентов помогает реализовать интенцию говорящего и тем самым обеспечивает оптимизацию процесса коммуникации, обладая актуальной для реципиента информацией, помогающей ему адекватно реагировать в процессе общения.

\

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая монография представляет собой попытку описания валентностных потенций глагола и имени существительного с точки зрения облигаторности их актантов на различных уровнях валентности. В ходе исследования выделяется особый вид контекстуально-облигаторных актантов в ориентации на интенциональную направленность высказывания.

В связи с коммуникативной направленностью рассмотрения валентностных характеристик глаголов и имен существительных можно выявить новый уровень валентности – контекстуально-коммуникативный.

Можно также подвергнуть сомнению положение традиционной теории валентности, касающейся облигаторности, то есть валентно-связанного характера обстоятельств, функционирующих в рамках предложения как зависимые от глагола актанты. Прежде всего, проанализирована синтаксическая облигаторность обстоятельств, вследствие чего раскрыта их синтаксическая значимость для сохранения грамматической корректности высказывания. Рассмотрено несколько видов обязательных обстоятельств и сделан вывод о валентно-связанном характере данных членов предложения, которые зачастую рассматриваются учеными только как свободные распространители, которые могут свободно отбрасываться и добавляться в предложении. Фактический материал позволил рассматривать их в качестве облигаторных актантов.

Семантическая необходимость актантов глагола в предложении рассмотрена в ориентации на семантическую обусловленность употребления обстоятельств, способных, благодаря своей понятийной актуальности, сохранять смысловую компоненту высказывания и не допускать случаев, когда предложение становится асемантическим. С использованием теста на элиминирование, предпринимается попытка определить, какие компоненты предложения, в частности, какие из обстоятельств, являются семантически облигаторными для сохранения семантики всего предложения. Фактический материал позволил разделять семантически облигаторные актанты на две группы: а) абсолютно семантически облигаторные, отсутствие которых в предложении приводит к полному изменению его семантики, либо оно становится асемантическим; б) частично семантически облигаторные, также влияющие на изменение

смыслового фона предложения, но не допускающие его десемантизации. Вследствие этого было установлено, что обстоятельства могут обладать смыслообразующей значимостью, помогающей сохранить семантическую целостность предложения.

Анализ фактического материала позволил выделить особую группу «необходимых» (обязательных) актантов глагола, которые получают свои облигаторные компоненты в речевом пространстве. Это группа коммуникативно-облигаторных актантов, реализующих свой валентно-связанный характер в процессе коммуникации. Для выявления подобных актантов в исследовании предлагается исходить из коммуникативного намерения говорящего. При этом четко определяются две группы коммуникативно обусловленных актантов: а) абсолютно коммуникативно-облигаторные, проявляющиеся в том случае, когда вследствие элиминирования актанта глагола полностью нарушается коммуникативное намерение говорящего, что приводит к нарушению понимания и восприятия его адресатом; б) частично коммуникативно-облигаторные актанты, которые представляют собой случаи частичной реализации интенции, что с одной стороны не приводит к нарушению понимания интенциональной направленности, но с другой приводит в конечном счете к тому, что отсутствие обстоятельства вызывает нарушение адекватного восприятия коммуникативного намерения. Для обозначения данного явления в исследовании предлагается рассматривать подобные случаи как пример «коммуникативной трансверсии».

При рассмотрении валентностных свойств существительного обнаружился ряд спорных моментов. Валентностные свойства существительные получают, согласно традиционной трактовке теории валентности, только будучи образованными от глагола или прилагательного. При этом облигаторные и факультативные актанты глагола при субстантивации становятся только факультативными. Однако фактический материал позволяет выделить облигаторные актанты существительного на синтаксическом, семантическом и коммуникативном уровнях. При этом выяснилось, что валентностными свойствами могут обладать не только отглагольные и отадективные, но и собственно имена существительные.

Синтаксическая облигаторность актантов существительного подтверждается тем, что в исследовании выявляются группы данного морфологического класса, которые требуют наличия в предложении актантов, способных влиять на его грамматическую сторону. Такие

существительные как: а) обозначающие количественный фактор; б) несущие в себе качественную характеристику; в) обозначающие определенный промежуток времени, могут открывать синтаксические открытые позиции, заполняемые в предложении соответствующими определениями.

Семантическая облигаторность актантов имен существительных определяется в работе тем же методом, что и семантическая необходимость актантов глагола. За основу берется семантическая значимость компонентов высказывания, отсутствие которых может привести к десемантизации всего предложения. С этой точки зрения актанты показывают свою смысловую значимость для сохранения содержания высказывания. При этом следует подчеркнуть, что определения, облигаторность которых рассматривается на всех уровнях валентности, позволяют говорить об их уникальном и весьма сложном валентностном статусе.

Коммуникативная облигаторность актантов имен существительных определяется так же как и у глаголов в зависимости от реализации/нереализации интенции говорящего. С использованием теста на элиминирование, в работе предпринята попытка описать коммуникативный минимум предложения-высказывания. При этом учитывается любое изменение коммуникативного намерения, что позволяет выделить частично и полностью коммуникативно-облигаторные актанты, а характер этих изменений позволяет говорить о коммуникативной трансверсии.

Очевидно, что проблема контекстуальной валентности и коммуникативной облигаторности актантов не может быть полностью решена только в рамках настоящего исследования. Перспективным представляется более глубокое изучение данной проблемы, в первую очередь, в текстах с различной степенью метафоризации языковых единиц. Достоверные результаты могут обеспечить сопоставительный анализ (в рамках одной группы языков, например, германских), а также контрастивный анализ (в разных языках). Интересные результаты могут быть получены при детальном рассмотрении способов реализации контекстуальной валентности у различных, в том числе – синсемантических морфологических классов слов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зиндер, Л.Р., Строева, Т.В. Современный немецкий язык / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. – М. - Л., 1957. -
2. Кибардина, С.М. Валентность немецкого глагола. Авторефер. дисс. докт. филол. наук. / С.М. Кибардина. – Л, 1988. - 34с.
3. Михайлов, Л.М. Немецкий язык. Грамматика устной речи. Учебное пособие для ВУЗов / Л.М. Михайлов. – М.: АСТ, 2003. - 346с.
4. Степанова, М.Д., Хельбиг, Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М.Д. Степанова, Г. Хельбиг. - М.: Высшая школа, 1978. - 215с.
5. Apitz, В. Nackt unter Wölfen / В. Apitz. - Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1958. - 514S.
6. Arssenjewa, M.G. Grammatik der deutschen Sprache / M.G Arssenjewa. - М., 1963.
7. Baßler, M. Der deutsche Pop-Roman / M. Baßler. – München: C.H. Beck Verlag, 2002. - 222S.
8. Bank, Z. Der Schwimmer / Z. Bank. - Frankfurt-am-Main: S. Fischer Verlag, 2002. - 288S.
9. Böll, H. Erzählungen und Aufsätze / H. Böll. - М.: Verlag Progress, 1968. - 366S.
10. Charitonowa, I.J. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache / I.J. Charitonowa. - Kiev, 1976.
11. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache: unter der Redaktion von Guenter Drosdowski / Duden. - Mannheim, 1984.
12. Efremova, N. Deutsche Grammatik. Учебное пособие для студентов факультетов иностранных языков / N. Efremova. – Барнаул, 2000. - 200с.
13. Ende, M. Momo / M. Ende. - Stuttgart: K. Thienemanns Verlag, 1993. - 304S.
14. Frisch, M. Homo faber / M. Frisch. - Baden-Baden, 1979. - 215S.
15. Gulyga, E.W., Nathanson M.D. Syntax der deutschen Gegenwartssprache / E.W. Gulyga, M.D. Nathanson. - М., 1966.
16. Helbig, G., Buscha, J. Kurze deutsche Grammatik für Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. - Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1976. - 294S.

17. Helbig, G. Valenz und Kommunikation / G. Helbig // DaF. - №3. – 1985. - S. 153-156.
18. Herrmann, K. Orpheus im Frack / K. Herrmann. – Berlin: Buchverlag Der Morgen, 1964. - 232S.
19. Hohler, F. Die Torte und andere Erzählungen / F. Hohler. - München: btb Verlag, 2006. - 205S.
20. Johansen, H. Lena / H. Johansen. - München-Wien: Carl Hanser Verlag, 2002. - 154S.
21. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache / W. Jung. - Leipzig, 1966.
22. Kharitidi, O. Das weiße Land der Seele / O. Kharitidi. – Berlin: Paul List Verlag, 2002. - 312S.
23. Latour, B. Verbvalenz. Eine Einführung in die dependentielle Satzanalyse des Deutschen / B. Latour. – München: Max Hueber Verlag, 1985. - Auflage 321. - 152S.
24. Noll, D. Die Abenteuer des Werner Holt. Zwei Bände / D. Noll. - Berlin-Weimar: Aufbau-Verlag, 1967. - 1021S.
25. Schulz, D., Griesbach, H. Grammatik der deutschen Sprache / D. Schulz, , H. Griesbach. - München, 1978.
26. Seydewitz, R. Wenn die Madonna reden könnte / R. Seydewitz. - Leipzig-Jena-Berlin: Urania Verlag, 1966. - 187S.
27. Sommerfeldt, K.-E. Zu einigen Problemen der Beschreibung der Valenz deutscher Prädikate / K.-E. Sommerfeldt // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. - Berlin, 1982. - 3. Bd. - S. 287-293.
28. Sommerfeldt, K.-E., Schreiber, H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantantive / K.-E. Sommerfeldt, H. Schreiber. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983. - 432S.
29. Stahlmann, F. Annas Mann / F. Stahlmann. – München: Piper Verlag, 2004. - 192S.